

Stockholms universitet

Slaviska institutionen

Три портрета С. Ковалевской

Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в произведениях
П.Я.Кочиной, А.Ш.Леффлер и Э.Манро

Three Portraits of S. Kovalevsky

Interpretation of S. Kovalevsky's life and creativity in the works

by P. Ja. Kochina, A.C. Leffler and A. Munro

VT 2014 Kandidatuppsats i ryska 15 hp

Victoria Grigoryeva

Handledare: Elisabeth Löfstrand

Victoria Gigoryeva vitagr@gmail.com 0737685720

Содержание

1. Введение	3
1.1. Исторический контекст. Женщины ученые математики	3
1.2. Основные предыдущие исследования и ограничения	5
1.3. Цель и задачи	6
1.4. Метод	7
1.5. Теоретические подходы.....	8
2. Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в книге П.Я.Кочиной	12
2.1. Ковалевская - первая женщина профессор математики	12
2.2. Литературная и общественная деятельность С.Ковалевской	15
3. Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в книге А.Ш.Леффлер	19
4. Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в произведении Э.Манро	28
5. Дискуссия.....	37
5.1. Сравнительный анализ.....	39
6. Заключение.	45
6.1. Выводы	45
6.2. Перспективы дальнейших исследований	48
7. Литературные источники	50
8. Приложения	52

Abstract

Three Portraits of S. Kovalevsky: Interpretation of S. Kovalevsky's life and creativity in the works by P. Ja. Kochina, A. C. Leffler and A. Munro

This research puts forward the hypothesis that S. Kovalevsky was an example of a multifaceted talent: an outstanding mathematician, writer and public figure simultaneously. As such, the basis of the phenomenon that is S. Kovalevsky is the ingenious synthesis of the various facets of creativity.

An attempt was made to achieve a better understanding of the multifaceted life and creativity of S. Kovalevsky through a comparative study of the perceptions of Kovalevsky put forward by the Swedish writer, A.C. Leffler (1892), and that of the Russian biographer, P. Ja. Kochina (1981), and that of the Canadian writer, A. Munro (2009), Nobel laureates in literature 2013.

Similarities and differences in the interpretations and understanding of the life and creativity of S. Kovalevsky between the Swedish, Russian and Canadian authors were identified and an important part was to define which image of S. Kovalevsky appears in the analysis of the authors. Another essential component was to identify which image dominates, that of Kovalevsky as a mathematician, as a writer or as a public figure. A table, containing the results of a comparative analysis using the maximum number of identified, scientifically sound parameters, is also presented in the study for a clearer picture of the perception of S. Kovalevsky's image presented by the three writers. Twenty-four such comparative parameters were identified. The article concludes with possible prospects for further research on the subject.

Keywords: S. Kovalevsky, multifaceted life and creativity, interpretation, A.C. Leffler, P. Ja. Kochina, A. Munro.

Говори, что знаешь, делай, что должен, пусть будет, чему быть.

Девиз С. Ковалевской (1850-1891)

1. Введение

1.1. Исторический контекст. Женщины ученые математики

История науки включает много известных имен ученых Аристотель, Коперник, Ньютон, Эйнштейн - это история жизни и открытий людей, которые изменили представления людей о вселенной. Но история науки - это нечто большее. Одной из малоизученных страниц истории науки является история о женщинах ученых. Научная работа требует интеллекта, креативности, образования и решительности. Поэтому история науки это всегда история избранной группы людей. История женщин ученых еще более избирательна. В большей степени это история особых женщин, которые нашли возможность получить образование и посвятить себя научным интересам, несмотря на то, что они долгое время были отстранены от высших школ и университетов и от мужского ученого формального сообщества. Положение женщин ученых в обществе фундаментально отличалось от положения мужчин. Женщинам приходилось преодолевать большие трудности для того, чтобы стать учеными, часто плата за следование своим научным интересам становилась очень высокой.

В истории человечества действительно было мало женщин ученых, еще более редким явлением были женщины-математики, их можно назвать культурным раритетом. Должно было проявиться особое стечение обстоятельств (наличие отца-ученого, высокообразованное

окружение, одаренность), чтобы женщина могла заниматься наукой. Первая женщина-математик была греческая ученая Гипатия, жившая в Александрии в 370- 415 годах. Дочь греческого философа и математика Теона, Гипатия училась у отца и его коллег, затем изучала труды греческих философов Платона и Аристотеля в Афинах. По возвращении в Александрию она преподавала философию, астрономию и математику, написала комментарии к *Арифметике* Диофанта и к *Коническим сечениям* Аполония Пергского (Фридман, 2013:103). Популярность Гипатии как преподавателя была чрезвычайно широка. К ней приезжали учиться люди из разных стран. Ученость и красноречие Гипатии, принимавшей участие в общественных делах города, снискали ей популярность в обществе. В то время христианство превращалось в государственную религию, а язычество стало подвергаться гонению. Среди ее знакомых было много христиан, однако сама она была язычницей и оставалась верной традициям своих предков. Злейшим ее врагом был александрийский епископ, утверждавший, что Гипатия - колдунья. При его подстрекательстве толпа фанатиков убила ее, забросав камнями, тело ее было разорвано на куски и сожжено. В истории многих веков после смерти Гипатии не сохранилось никаких сведений об ученых женщинах. В XVI-XVIII веках выделялись своим образованием несколько женщин, учителями которых были знаменитые математики: Виет, Декарт, Эйлер.

Иногда женщинам приходилось высылать свои научные работы под мужским именем, чтобы обратить на себя внимание. В этой связи интересным примером является история Софи Жермен (1776-1831). Она была дочерью богатого банкира, который находился в тесной дружбе со всемирно известными писателями и учеными - Вольтером и Дидро. В домашней библиотеке Софи познакомилась с *Историей математики* Монтюкла, и, несмотря на запрет родителей, в тринадцать лет увлеклась математикой. Чтобы читать работы Эйлера в подлиннике, Софи изучила латинский язык. Вскоре она добилась в математике результатов достаточно интересных, чтобы привлечь к ним внимание великого математика Гаусса, которому она сообщила их, но не от своего имени, а за подписью ученика Политехнической школы Леблана. Личность Софи Жермен открылась немецкому математику Гауссу в исключительных обстоятельствах. Французские войска в 1807 г. под командованием генерала, близкого друга семьи Жермен, заняли Геттинген. Софи под впечатлением рассказа о смерти Архимеда в Сиракузах написала генералу, чтобы тот взял жившего в Геттингене Гаусса под свою охрану. Генерал не замедлил сообщить об этом Гауссу, чем ученый был глубоко тронут. Софи Жермен стала известной благодаря важным исследованиям в теории чисел. Она является одним из основоположников математической физики, в частности теории упругости, и в этом главная ее заслуга в науке. Французский математик Ребьер в своей книге *Женщины в науке* писал «На стенах башни Эйфеля в Париже записаны имена 72 ученых. Позабыли о Софи Жермен, одном из творцов теории упругости, на основании которой только и стала возможной постройка башни» (Кочина, Зенкевич, 1986:10).

В большей части западноевропейской документированной истории доминируют мужчины. В своей книге *Arvet efter Hypatia. Kvinnor i vetenskapshistoria* Margaret Alic (1989) отмечает, что исторические книги часто отражают мужскую монополию и односторонность, игнорируя при этом женскую историю (Alic, 1989:9). До сих пор в обществе можно услышать рассуждения о том, что женщины не созданы для науки. Но многие женщины высказывают свое мнение о подобном патриархальном представлении и утверждают, что женщины

ученые могут изменить мир. Одним из шагов в этом изменении является изучение и переоткрытие истории о женщинах ученых. Необходимо изучение жизнеописаний женщин в науке, для понимания и нового осмысления их роли и значения в истории.

В истории науки не так легко найти женские имена, которые были бы известны всему миру, о которых знал бы каждый образованный человек. К числу таких женщин, пользующихся мировой известностью, принадлежит Софья Васильевна Ковалевская, выдающаяся представительница математической науки XIX века, первая женщина профессор математики, работавшая в Стокгольмском университете, эмигрант, русская по происхождению, первая женщина – выигравшая престижную премию Бордена Французской Академии Наук, первая женщина, ставшая редактором серьезного научного математического журнала *Acta Mathematica*, первая женщина – член-корреспондент Петербургской Академии Наук.

Тема исследования выбрана не случайно, так как в 2013 году исполнилось ровно 130 лет с того момента, когда С. Ковалевская переехала в Стокгольм и начала работать в Стокгольмском университете, а в 2014 году исполняется 130 лет присвоения Ковалевской звания профессора математики Стокгольмского университета. Имя С. Ковалевской занимает особое место в истории науки и не случайно привлекает внимание исследователей. Жизнь и деятельность выдающейся русской женщины, которая проявила свою одаренность, казалось бы, в полярных областях деятельности: в точных науках, в частности, в математике, и в литературном творчестве интересует многих. Прежде всего, с позиций интереса к вопросам развития культурных интернациональных связей, изучение жизнеописаний выдающихся представителей науки и культуры, которые своей научной и просветительской деятельностью и творчеством связывают Россию и Швецию, способствует лучшему взаимопониманию между народами. С позиции автора, Ковалевская всегда играла роль вдохновляющего примера в борьбе женщин за право на получение высшего образования, свободу выбора жизненного пути и работы в университетской среде и за равное право голоса в науке.

1.2. Основные предыдущие исследования и ограничения

Существует многочисленные материалы о жизни С.Ковалевской - воспоминания, дневники, письма. Воспоминания о ней оставили многие современники: домашний наставник И.И.Малевиц, преподаватель математического анализа А.Н.Страннолюбский, немецкий профессор Карл Вейрштрасс, известный французский математик Пуанкаре, шведский математик Г. Миттаг-Леффлер, шведская писательница Анн Шарлотт Леффлер, сестра Миттаг-Леффлера, Эллен Кей, Ф. Нансен, М.М. Ковалевский, академик П.А.Чебышев и др.

Одним из первых в России, кто собрал обширное эпистолярное наследие С.Ковалевской, а также близких ей людей - ее мужа Владимира Онуфриевича и его брата Александра Онуфриевича Ковалевских - был С.Я. Штрайх. Им были написаны книги биографического характера: *Сестры Корвин-Круковские* (1934), *С.В.Ковалевская* (1935), *Семья Ковалевских* (1948), а также подготовлена к изданию книга *С.В. Ковалевская. Воспоминания, письма* (1951). Позднее, после Великой Отечественной войны Российская академия наук получила из архива Г. Миттаг-Леффлера в Стокгольме фотокопии переписки Ковалевской, с которыми работала и готовила к публикации П.Я. Полубаринова-Кочина, используя их в статьях по

поводу памятных дат и очерках о жизни и деятельности Ковалевской. В дальнейшем, уже под фамилией П.Я. Кочина, ею были опубликованы целый ряд статей и книг, посвященных С.В. Ковалевской.

Среди шведских авторов, посвятивших свои произведения С.Ковалевской, следует отметить Randver G.W. *Sonja Kovalevsky. En levnadsteckning*. Bokförlaget Trevi. Södertälje, 1981, и Björk J.-E., *Sonja Kovalevsky: en levnadsbeskrivning*. Stockholms universitet, 2003. Упоминается Ковалевская также в книге Scheutz L., *Berömda och glömda stockholmskvinnor*. Stockholm. Mbm förlag, 2001, а также в книге *Starka kvinnor. Ett urval märkliga kvinnoöden från radioserien Vårt att veta*. Redaktör: Blomquist G.1988.

Среди англоязычных авторов, посвятивших свои произведения С.Ковалевской, следует отметить Kennedy D.H. *Little Sparrow: A Portrait of Sophia Kovalevsky*. Ohio University Press, Athens, Ohio (1983) и Koblitz A.H. *A convergence of lives Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary*. Birkhäuser. Boston. Basel. Stuttgart (1983). Судьба С. Ковалевской продолжает вдохновлять наших современников, одним из ярких примеров является повесть канадской писательницы Alice Munro *Too much happiness* (2009). Следует отметить, что за свои повести, отражающие разные женские судьбы Элис Манро была отмечена международной премией Букер в 2009 году и Нобелевской премией в области литературы в 2013 году.

Сравнительный анализ интерпретации жизни и творчества С. Ковалевской различных авторов из разных стран, использующих разные жанры повествования, является интересной исследовательской задачей. Фокус данного исследования ограничился изучением трех произведений, посвященных С.Ковалевской. Первое произведение - книга русского ученого биографа Пелагеи Яковлевны Кочиной *Софья Васильевна Ковалевская* (1981) на русском языке. Второе произведение - книга шведской писательницы Анн Шарлотт Леффлер *Leffler A.C. Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själv* (1892) *Соня Ковалевская. Что я пережила с нею и что она сама рассказала мне о себе* на шведском языке. Третье произведение современной канадской писательницы А.Мунро *Too much happiness* (2009) на английском языке.

1.3. Цель и задачи

Личность знаменитой русской женщины Софьи Васильевны Ковалевской настолько значительна и интересна, что великий норвежский писатель Генрих Ибсен говорил: «*Написать биографию Ковалевской значит создать поэму о ней*» (Кочина, 1981:5). В данной работе поставлена более скромная цель и задача.

Целью данного исследования является углубление понимания многогранности жизни и творчества С.Ковалевской через сравнение представлений об образе С.Ковалевской русского биографа П.Я. Кочиной, шведской писательницы А.Ш. Леффлер и современной канадской писательницы Э.Манро.

Для достижения поставленной цели была сформулированы следующие **задачи**:

- Провести сравнительный анализ интерпретаций образа С. Ковалевской у трех разных авторов, использующих различные языки и жанры, в различные культурно-исторические периоды.
- Выявить сходства и различия между шведским, русским и канадским авторами в их интерпретации жизни и творчества С. Ковалевской.

1.4. Метод

Методологической базой исследования стал поиск, чтение, изучение и анализ книг, сборников статей и литературы как о С.Ковалевской, так и работы самой С.Ковалевской *Автобиографический рассказ, Воспоминания детства*, повесть *Нигилистка*. Основным методом исследования стал сравнительный анализ трех произведений, посвященных С. Ковалевской. Первая книга русского ученого биографа Пелагеи Яковлевны Кочиной *Софья Васильевна Ковалевская*. Москва. Из-во Наука. 1981 на русском языке. Вторая, библиографически редкая книга на шведском языке, изданная Stockholm Bonniers förlag в 1892 г, книга воспоминаний Анн Шарлотт Леффлер Leffler A.C. Sonja Kovalevsky. *Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själv*. *Соня Ковалевская. Что я пережила с нею и что она сама рассказала мне о себе*. Третьим произведением стала художественная повесть канадской писательницы Alice Munro *Too much happiness* (2009) на английском языке. Для большей наглядности представления результатов сравнительного анализа по максимально найденному количеству научно обоснованных параметров сравнения в данной работе используется метод матрицы и предлагается сравнительная таблица в разделе *Дискуссия*.

Автор предполагает, что С.Ковалевская была особым явлением своего времени, феноменально одаренной женщиной в диаметрально полярных областях творчества - в самой точной науке математике и в литературном творчестве, была символом того, чего смогла достичь одаренная женщина в XIX веке. Став профессором математики, Ковалевская опередила время, произвела сенсацию в истории: в то время женщине получить право на профессию в высшей школе было событием невероятным и фантастическим. При этом она стала профессором, чьи математические результаты отмечены почетными премиями двух Академий наук, Французской и Шведской. При этом Ковалевская была не просто математик, а ученый, чьи художественные произведения переведены на французский, немецкий, английский, шведский, японский и другие языки. Автор исходит из гипотезы, что Ковалевская являла собой уникальный пример многогранной одаренности: выдающегося математика, писателя и общественного деятеля. Именно этот креативный синтез различных граней творчества и составляет основу феномена С.Ковалевской.

Теоретические подходы

- **Системно-синергетический подход**

В основе данного исследования лежит системно-синергетический подход, получивший развитие в теории науки в XX веке, в частности в работах нобелевского лауреата И. Пригожина (Пригожин, 1986) и основоположника синергетики Г. Хакена (Хакен, 1980). Синергетическая парадигма - общая модель мировидения, понимания и оценки действительности. СИНЕРГЕТИКА переводится как «энергия совместного действия» (от греч. «син» - «со-», «совместно» и «эргос» - «действие») - фундаментальное направление современного научного мышления имеющее междисциплинарный характер, которое объединяет естественно-научное и гуманитарное знание. Жизненный путь женщин ученых, как многогранный и многоаспектный феномен не может быть изучен с помощью какого-либо одного метода. Необходим комплексный целостный, сочетающий в себе частные подходы, использующие как логико-вербальные (рациональные), так и образно-эмоциональные (иррациональные) способы исследования, отражающие разные стороны представления человека об окружающем мире и самом себе как его части. Синергетика оказалась таким направлением в науке, которое сразу же стало востребованным практически в различных отраслях деятельности. В синергетике специалисты разных научных направлений открыли множество новых граней и возможностей. Применению системно-синергетического подхода в литературоведении посвящена книга *«Литература и методы её изучения. Системно-синергетический подход: учебное пособие»* (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2011). Особенно актуален этот подход при изучении интерпретации образа женщины ученого, сумевшей в своей жизни и творчестве соединить одну из самых точных наук математику и литературное творчество.

Практическим отражением применения системно-синергетического подхода в данном исследовании стало создание сравнительной таблицы - матрицы с использованием максимально найденного количества научно обоснованных параметров сравнения, применяемых одновременно к трем разным произведениям трех различных авторов (См. раздел Дискуссия).

Методологической основой исследования стали различные концептуальные подходы

- **Биографический подход**

Биографическое исследование личности, ее жизненного пути и творчества есть род исторического исследования в любой области знания - искусствоведении, истории науки и техники, психологии и т.д. Первоначально биографический подход развивался в гуманитарных науках, часто в виде биографического жанра, предметом которого является жизнь замечательных людей, история их борьбы, исканий и заблуждений, тесно переплетенная с исторической реальностью.

Биографический подход в литературоведении устанавливает взаимосвязи между биографией писателя и особенностями созданного им произведения, при котором биография и личность писателя становится определяющим моментом творчества. Как самостоятельная школа биографическое литературоведение, оформилось в середине XIX в, решающий вклад внес

французский писатель и филолог Шарль Огюстен Сент-Бёв (1804-1869), который в своих работах *Литературные портреты, Беседы по понедельникам* стремился «проникнуть настолько возможно глубже» не только во внутренний мир, но и в домашнюю обстановку писателя. Ш. Сент-Бёв считал, что исследовательский акцент ученый должен ставить на детальном изучении жизненного пути автора, уделяя первостепенное внимание «обыденным привычкам, от которых великие люди зависят не менее чем простые люди», он тем самым «прикрепляет» писателя к «земле», к «реальному существованию». Бытовые обстоятельства, случайные встречи, переменчивые душевные состояния, наконец, свойства психики писателя приобретают в психобиографических портретах Сен-Бева значение факторов, образующих идейное и художественное своеобразие литературного произведения, творчества того или иного писателя (Сент-Бёв, 1970).

Биографическое литературоведение раскрывается в жанре научной биографии. При этом исследователи пытаются соединить факты личной жизни и факты творчества, а также пространство биографическое и творческое. Широко используется в литературоведении, психологии и социологии.

В книге *The Lines of Life* (1986) Novarr отмечает, что в 1940-50 годах XX века практики литературной теории и литературного критицизма Wellek and Warren в своей работе *Theory of Literature* обращали внимание на то, что биографии - это древнейший литературный жанр с особым интересом к человеческой личности «*biography is an ancient literary genre, with its own intrinsic interest, an interest in human personality*» (Novarr, 1986:x). Биография рассматривается как часть историографии. Среди проблем биографических повествований отмечается их историзм, выбор фактов, хронологическое представление, проблемы интерпретации и т.д. Долгое время биографическому подходу не уделялось должного внимания, в отличие от поэзии или драмы, биографии почти никогда не были объектами интенсивного критического изучения. По словам Daiches «*биография это искусство, а не просто вопрос поисков фактов или даже построения серии возможных психологических объяснений*» «*That biography is an art and not merely a matter of grubbing up the facts or even of constructing a series of plausible psychological explanations*» (Novarr, 1986:xi).

Edel в 1981 г. в заметках к предполагаемой *Principia Biographica* отмечал, что «*каждая жизнь имеет свою собственную форму и биограф должен найти идеальную и уникальную литературную форму, которая будет выражать ее*» «*every life takes its own form and a biographer must find the ideal and unique literary form that will express it*» (Novarr, 1986: xiii).

Можно отметить специфические черты биографического подхода. Во-первых, он является историческим по происхождению, это прослеживается в таких его особенностях, как значительная ретроспективность, опосредованность источниками, стремление к полноте реконструкции прошлого. Главное, что сам объект биографического метода — жизненный путь — историчен по своей природе.

Во-вторых, биографический метод, направленный на реальный процесс жизнедеятельности личности, отличается «естественностью». Биограф, как и наблюдатель, не вмешивается в ход событий. Биографические факты могут рассматриваться в качестве жизненных показателей личностных характеристик.

В-третьих, биографический метод освещает не только объективную сторону жизни, но и переживания внутреннего мира. Часто биографический подход отличается интимностью, если можно так назвать эту особенность. Нередко воспоминания, письма, дневники носят характер исповеди, и тогда особенно мощно работают субъективные факторы — защитные механизмы, влияние мотивов, реакция на исследователя, особенности памяти. Здесь высок уровень субъективности, поэтому остра проблема валидности, надежности, точности биографического метода.

Главный недостаток биографического метода состоит в том, что в нем субъективные моменты превращаются в показатели объективных процессов. В плане преодоления недостатков биографического метода (трудоемкость, описательность, субъективные искажения) имеют значение исследования по психологии воспоминаний и самосознания. Преодолению субъективизма в биографических исследованиях служит комплексный подход, т.е. использование различных биографических источников. Объективность биографического подхода повышается, когда параллельно одни и те же лица изучаются разными исследователями и данные сопоставляются.

В литературоведении XX века биографический подход все чаще подвергался критике. Считается, что он *«препятствует ясному осознанию закономерностей литературного процесса, ибо напрочь отсекает литературную традицию, подменяет ее жизненным циклом творческой личности»* (Уэллек Р., Уоррен О. 1978: 93). Тем не менее, этот подход стал составной частью академического литературоведения, и его критики признают, что отдельные элементы биографического подхода могут быть плодотворны (например, в прояснении скрытого смысла отдельных слов, изучения эволюции творчества автора и пр.). В истории развития биографической школы наблюдались переломные периоды, но они настойчиво преодолевались. Так, известный в Европе датский филолог конца XIX и начала XX века Г. Брандес возродил традицию *биографического «портрета»*. Во второй половине XX века биографический метод трансформировался в импрессионистскую критику. Биографический подход оказал влияние на становление культурно-исторического подхода к изучению литературы, основные принципы которого были сформулированы Ипполитом-Адольфом Тэном (1828—1893), который развил собственную теорию, усилив как системные исторические акценты, так и роль бессознательного в творчестве – «расы, среды и момента» (национальные особенности, генеалогию автора, климат, местность, социальное окружение и черты эпохи). Элементы биографического подхода использовались датским критиком Георгом Брандесом (1842-1927), называвшим свой метод *«историко-психологическим»*. Вместе с оценкой творческой личности Брандес (*Главные течения в европейской литературе XIX века*, 1872- 90) уделяет большое внимание идеологической детерминированности, а европейская литература предстает у него в виде единого процесса, который зависит от специфики национально-исторических условий страны. Назначение литературы по Брандесу – способствовать прогрессивному развитию общества.

- **Гендерный подход**

Почему так мало женщин в науке? В гендерной литературе предлагается несколько объяснений - ограниченный доступ к образованию, особенно в историческом контексте, недостаток ресурсов, экономическая, социальная и психологическая эксклюзия и т.д. (Garry, Pearsall 1992, Phipps 2008, Niskanen, Florin 2010).

Согласно Merriam-Webster dictionary феминизм, прежде всего, рассматривается как вера в то, что мужчины и женщины должны иметь равные права и возможности «*the belief that men and women should have equal rights and opportunities*» (Merriam-Webster, 2014), а феминистский дискурс - как женский путь мировосприятия и мироосмысления.

Феминистская литературная критика возникла более сорока лет назад, получив большое распространение в Западной Европе и США. Исследование женской литературы в области гинокритики. Термин «*гинокритика*» был предложен Elaine Showalter в 1970-е года для рассмотрения научной работы, которая помещает женское литературное творчество в центр исследований. Гинокритика строит новые типы женского дискурса независимо от мужского и отказывается от простой адаптации патриархальных литературных теорий и моделей. Женщина является автором текста, выражая новые модели литературного дискурса, которые базируются на женском опыте и переживании. Согласно Showalter гинокритика начинается тогда, когда происходит освобождение от линейной и абсолютной мужской литературной истории, прекращается процесс вписывания женщины в просветы между линиями мужской литературы и вместо этого исследователь фокусируется в новом мире собственно женской культуры. В 1985 г в США под редакцией Showalter вышла книга *Новая феминистская критика*, в который были собраны ставшие классическими работы по поэтике феминизма. Основная задача женской литературы - изучение новых предметов - таких как психодинамика женской креативности, лингвистика и проблема женского языка, траектории индивидуального и коллективного женского творчества, история женской литературы и исследование отдельных писательниц и их произведений (Введение в гендерные исследования, 2001:545).

Женская автобиография рассматривается как особый тип «женского опыта». Жанр автобиографии наряду с жанрами дневников и мемуаров традиционно относится к «женским жанрам» в литературном каноне «большой литературы». Интересно отметить, что традиционное понятие *auto-bio-graphy* в феминистском литературном критицизме меняется на понятие *auto-gyno-graphy* - с акцентацией именно на женской специфической субъективности в автобиографическом письме. (Введение в гендерные исследования, 2001:557). Другим интересным фактом является то, что Showalter приходит к выводу о неизбежной гендерной асимметрии в культуре: если понятие мужского всегда коррелирует с понятиями разума и рациональности, то понятие женского неизбежно маркируется как символ иррационального и виновного. (Введение в гендерные исследования, 2001:559).

В данной работе представлено три теоретических подхода, но в качестве основного выбран комплексный системно-синергетический подход, который в определенной степени включает все вышеназванные подходы.

2. Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в книге

П.Я. Кочиной

В книге Пелагеи Яковлевны Кочиной *Софья Васильевна Ковалевская* Москва. Издательство Наука. 1981 в хронологической последовательности в жанре научной биографии описывается детство, юность, влияния и истоки интереса и любви к науке и математике, первые занятия высшей математикой и годы учебы за границей и дальнейшая научная и литературная деятельность С.Ковалевской. Книга ученого, доктора физико-математических наук, академика П.Я.Кочиной о С.В.Ковалевской объемом 312 страниц состоит из введения, восьми глав, заключения, приложений и подробной библиографии. Представлен наиболее полный научно биографический портрет С.Ковалевской. Основные даты жизни и деятельности С. Ковалевской представлены в Приложении 1.

2.1. Ковалевская- первая женщина профессор математики

Софья Васильевна Ковалевская родилась 3 (15) января 1850 года в Москве. Отец Василий Васильевич Корвин-Круковский был помещиком, генерал-лейтенантом артиллерии в отставке. Мать Елизавета Федоровна имела девичью фамилию Шуберт. Интересно отметить, что дед Ковалевской по материнской линии Ф.Ф. Шуберт был выдающимся математиком, а прадед Ф.И.Шуберт еще более известным астрономом. Появление на свет Сони было встречено ее родителями, которые хотели иметь сына, без особой радости. У них уже была семилетняя дочь Анюта. Через пять лет у Корвин - Круковских родился сын Федя, и отец был утешен появлением наследника. Свои детские годы С.Ковалевская провела в поместье отца Палибино Витебской губернии (ныне - Полибино Великолукского района, Псковской области). У Сони сложилось впечатление, что она не любима родителями. Это убеждение поддерживалось словами няни, которая любила и жалела девочку. Анюта была избалована, как первый ребенок, Федя - как сын и притом младший из детей. Соня занимала промежуточное положение и на нее обращали меньше внимания. Она росла чутким, застенчивым ребенком с богатым духовным миром. Возможно, эта обособленность содействовала развитию детского воображения. Кочина в своей книге часто обращается к *«Воспоминаниям детства»* самой С.Ковалевской. Сама Ковалевская считала, что первые проблески интереса к математике были возбуждены в ней беседами с любимым дядей Петром Васильевичем Корвин-Круковским, старшим братом отца, человеком эрудированным, который любил философствовать, и научил Соню играть в шахматы. Именно от него маленькая Соня услышала первый раз *«о квадратуре круга, об асимптомах, к которым кривая постоянно приближается, никогда их не достигая, о многих других вещах подобного же рода, смысла которых я, разумеется, понять еще не могла, но которые, действовали на мою фантазию, внушая мне благоговение к науке высшей и таинственной, открывающей перед посвященными в нее новый, чудесный мир, недоступный простым смертным»* (Кочина 1981:24).

Кочина также упоминает одно курьезное обстоятельство из детства Ковалевской, о том, что одна стена в детской, за недостатком обоев, оказалась оклеенной листами лекций Остроградского по дифференциальному и интегральному исчислениям, приобретенных отцом в молодости. Маленькая Соня подолгу созерцала таинственные формулы и текст, они

врезались ей в память настолько, что потом, когда она уже в возрасте 15 лет брала уроки высшей математики, основные понятия- предела и производной - показались ей давно знакомыми, точно она давно их знала. Это является прекрасным примером опережающего развития ребенка. Первые уроки Соне, кроме гувернанток, давал с восьмилетнего возраста домашний учитель И.И. Малевич, поместивший в журнале *Русская старина* (дек. 1890) воспоминания о своей ученице. Семью Корвин - Круковских посещали многие образованные люди того времени. Однажды профессор физики Морской Академии Н.Н. Тыртов подарил экземпляр своего учебника семье Корвин - Круковских. Профессор физики был удивлен, когда Соня, которой было тогда 14 лет, заинтересовалась учебником и самостоятельно стала изучать его. В разделе оптики она встретила с неизвестными ей понятиями синуса и тангенса. Тыртов был крайне изумлен, когда убедился, что Соня сама воссоздала простейшие теоремы тригонометрии. Профессор горячо расхвалил ее отцу и советовал генералу дать дочери возможность заниматься высшей математикой. Было решено, что Соня приступит к этим занятиям с осени 1867 года, когда с матерью и сестрой поедет в Петербург. По рекомендации профессора Тыртова, Соня брала частные уроки математического анализа у А.Н. Страннолюбского, одного из самых образованных и благородных представителей блестящей плеяды педагогов 60-х годов XIX века.

Следует отметить, что в 60-х годах XIX века лучшая часть русского общества была охвачена стремлением к просвещению, желая принести пользу своему народу в борьбе с мраком невежества и гнетом царского правительства. Горячий отклик находили идеи Чернышевского о переустройстве общества, об освобождении женщины и ее равноправии. Развивалось движение за открытие женских школ и доступ женщин в университеты. Но пока это было недоступно, некоторая часть русских женщин стала ездить за границу, в особенности в швейцарские университеты, для получения высшего образования (главным образом - медицинского). Поступление женщин в высшие учебные заведения России было запрещено. Поэтому Ковалевская могла продолжить обучение только за границей, но выдавать заграничный паспорт можно было только с разрешения родителей или мужа. Отец не собирался давать разрешения, т.к. не желал дальнейшего обучения дочери. Поэтому Соня организовала фиктивный брак с молодым ученым В.О. Ковалевским. В то время практиковалось заключать фиктивные браки. Молодые люди, придерживавшиеся передовых взглядов на женское образование, желая оказать женщинам помощь, вступали с ними в брак, который освобождал девушек от родительской опеки. Затем новобрачный предоставлял девушке полную свободу, и она ехала за границу одна или вместе с ним. Часто такие фиктивные браки переходили в фактические, как и произошло у Софьи и Владимира Ковалевских. В 1868 году, в возрасте 18 лет Соня выходит замуж за Владимира Ковалевского, чтобы получить возможность выехать за границу и учиться в университете. В 1869 году она училась в Гейдельбергском университете у Кенингсберга, а с 1870 по 1874 года в Берлинском университете у Карла Вейерштрасса. Хотя по правилам университета она не могла слушать лекций как женщина, но Вейерштрасс, заинтересованный ее математическими дарованиями, руководил ее занятиями. За неполные четыре года занятий, Ковалевская не только усвоила университетский курс математики, но и написала три работы: 1. *К теории уравнений в частных производных*, 2. *О приведении одного класса абелевских интегралов третьего ранга к эллиптическим интегралам*, 3. *Дополнения и замечания к исследованию Лапласа о форме кольца Сатурна*. Каждая из этих работ была достаточна для

присуждения за нее ученой степени доктора философии. Но Вейерштрасс послал в Геттингенский университет все три работы, и в 1874 г. Ковалевской была присуждена ученая степень доктора философии *с наивысшей похвалой*. При этом она была освобождена от экзаменов, что иногда допускалось в случае блестящей работы. В 1879 году Ковалевская делает сообщение на VI съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге *О приведении абелевских интегралов 3-го ранга к эллиптическим*. В 1881 году она избрана в члены Московского математического общества (приват-доцент). После трагической смерти мужа, который запутался в коммерческих делах и покончил жизнь самоубийством (1883), Ковалевская, оставшаяся без средств, с пятилетней дочерью, приезжает в Берлин к Вейерштрассу. Ценой огромных усилий, используя весь свой авторитет и связи Вейерштрассу и Геста Миттаг - Леффлеру удается выхлопотать ей место в Стокгольмской высшей школе (1884). Изменив имя на Sonya Kovalevsky, она становится профессором кафедры математики в Стокгольмской высшей школе (ставшей впоследствии Стокгольмским университетом), с обязательством читать лекции первый год по-немецки, а со второго - по-шведски.

Важнейшим делом жизни Ковалевской была научная работа. Работая в Стокгольме, ее занимала задача о преломлении света в кристаллических средах и задача о вращении твердого тела. В Парижской Академии наук уже много лет объявлялась премия Бордена *«за дальнейшее усовершенствование задачи о вращении твердого тела»*. Сроком подачи работы было 1 июня 1888 года. Но Ковалевская боялась не успеть провести все математические выкладки, об этом указывают ее письма к Миттаг - Леффлеру, на которые ссылаются как А.Ш. Леффлер, так и Кочина. Это доказывает, что Ковалевская испытала все муки и радости, разочарования и надежды, которые могут встретиться в творческой работе ученого. Путем больших усилий, она все же успела представить работу вовремя и послала ее на конкурс под девизом (на французском языке): *«Говори, что знаешь, делай, что должен, пусть будет, чему быть»*. На конкурс было подано 15 работ, но премию получила только работа под указанным девизом, т.е. работа С. Ковалевской. Ввиду особых достоинств работы Ковалевской Парижская Академия наук повысила премию с 3000 до 5000 франков. Ковалевская открыла третий классический случай разрешимости задачи о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки. Этим продвинула вперед решение задачи, начатое Леонардом Эйлером и Ж. Л. Лагранжем. Важно отметить, что до этого задача о вращении выдвигалась на премию Бордена три раза, но премия не присуждалась и только работа Ковалевской оказалась достойной. Во время вручения премии Бордена в Парижской Академии наук 24 декабря 1888 года, председатель собрания академик Жансен сказал восторженную речь, указав, что члены Академии в представленной на конкурс работе обнаружили *«не только свидетельство широкого и глубокого знания, но и признак ума великой изобретательности»* (цитирование по Кочиной, 1981: 148). В 1889 С. Ковалевской присуждается премия Шведской Академии наук за второй мемуар по изучению вращения твердого тела: *Об одном свойстве системы...*, в этом же году Ковалевская избирается членом - корреспондентом Российской Академии наук.

В книге Кочиной перечисляются все математические работы Ковалевской, и подчеркивается значимость результатов научных исследований. Ковалевская доказала существование аналитического (голоморфного) решения задачи Коши для систем дифференциальных

уравнений с частными производными, исследовала задачу Лапласа о равновесии кольца Сатурна, получила второе приближение, а также решила задачу о приведении некоторого класса абелевых интегралов третьего ранга к эллиптическим интегралам, работала также в области теории потенциала, математической физики, небесной механики.

2.2 Литературная и общественная деятельность С.Ковалевской

Вторая половина XIX века была захватывающим временем в интеллектуальной и социальной истории Европы и России. Общественная деятельность С.Ковалевской является существенной стороной ее жизни и органично связана как с литературным творчеством, так и с преодолением преград для женщин в стремлении заниматься научной деятельностью.

Многие привыкли видеть в С.В. Ковалевской знаменитого математика, одну из первых женщин-ученых конца девятнадцатого века. Но, кроме того, она автор ряда литературных произведений, писатель, литератор, к тому же, участница общественного движения своей эпохи. Литературная и общественная деятельность С.Ковалевской является существенной стороной ее жизни. Представление С. Ковалевской, знаменитого русского математика, прославленной женщины-профессора, было бы неполным без раскрытия этих сторон ее деятельности. Той же рукой, которой она записывала сложные математические формулы, были написаны стихи, повести, драмы, театральные рецензии и литературно-критические очерки.

Софья Ковалевская была талантливой писательницей, оставившей большое литературное наследие. В ее произведениях отражены передовые идеи конца XIX века. С.В. Ковалевская - автор повести *Нигилистка* и драмы *Борьба за счастье*; ей принадлежат превосходные *Воспоминания детства*, описаны встречи с Ф.М. Достоевским, английской писательницей Дж. Элиот, она написала очерк о современнике М.Е. Салтыкове-Щедрине, воспоминания о Чернышевском. В разное время ее произведения были опубликованы в России и в Европе. Впервые *Литературные сочинения* С.В. Ковалевской были собраны в небольшой книге М.М. Ковалевским (СПб, 1893). Он же годом раньше опубликовал в Женеве повесть *Нигилистка* (1892). Интересно отметить, что в книгах, опубликованных в царское время в России, ввиду цензурных ограничений, отсутствуют некоторые фрагменты. Некоторые главы *Воспоминаний*, имеющиеся в шведских, французских и немецких изданиях, отсутствуют в русских. Издание 1961 года частично восполнило этот пробел. Например, в *Воспоминаниях детства* это глава *Воспоминания из времени польского восстания*, главы *Палибино* и *О Достоевском*, представляющие подлинный текст С.В. Ковалевской, с рукописи (эти главы вошли в шведское издание, последняя в сокращенном виде).

В свое время *Воспоминания детства* Ковалевской вызвали восторженные отклики. Критика давала им высокую оценку и ставила это произведение в один ряд с *Записками охотника* И.С. Тургенева, *Детством*, *Отрочеством* и *Юностью* Л.Н. Толстого. Видные литераторы отмечали тонкую наблюдательность писательницы, способность к глубокому психологическому анализу, образный выразительный язык (Кочина, 1974).

На русском языке из литературных произведений Ковалевской появились: *Воспоминания о Дж. Элиоте* («Русская Мысль», 1886, № 6); семейная хроника *Воспоминания детства*

(«Вестник Европы», 1890, № 7 и 8); *Три дня в крестьянском университете в Швеции* («Северный Вестник», 1890, № 12); посмертное стихотворение («Вестник Европы», 1892, № 2); вместе с другими (переведённая со шведского повесть «*Vae victis*», отрывок из романа на Ривьере) эти произведения вышли отдельным сборником под заглавием *Литературные сочинения С. В. К.* (СПб., 1893).

К сожалению, задумав много интересных вещей, Ковалевская не все успела закончить. Часть начатых повестей представлена только отрывками. Преждевременная смерть не дала в достаточной степени раскрыться литературному потенциалу этой замечательной, глубоко и разносторонне образованной женщины.

В книге Кочиной рассматриваются истоки формирования общественных взглядов С.Ковалевской, дается характеристика событий исторической эпохи (со ссылками на статьи М.В. Нечкиной, 1951 и др.). Большое влияние на формирование общественных взглядов Сони оказала ее старшая сестра Анна Васильевна - русская писательница и будущий деятель Парижской Коммуны. Если Соня начинает свою сознательную жизнь, развивает свое мировоззрение и складывается как личность в годы следующие за первой революционной ситуацией 1859-1861 гг., то ее старшая сестра Анна - живой пример того, как именно эта революционная ситуация будила умы и тревожила сердца даже тех, кто жил в дворянском имении в провинции. Вопрос о противоречиях и контрастах крепостного времени, очевидно, рано привлек внимание сестер. Новые идеи входили в дом при посредстве любимого дяди Петра Васильевича Корвин - Круковского, который рассказывал не только о новых открытиях и изобретениях, но и о своих сомнениях в справедливости существующего строя. С. Ковалевская жила в переходный исторический период, ей было 11 лет, когда было отменено крепостное право. Позднее в повести *Нигилистка* С.Ковалевская описывала, какое огромное впечатление произвело на девочку-дворянку, героиню ее повести, падение крепостного права. Несмотря на то, что детство прошло в провинции, новые идеи проникали в размеренную помещичью жизнь. Разночинский период, который обладал сокрушающей феодально-крепостные устои идеологией, ворвался в Палибино и через сына приходского священника, который не захотел стать священником, уехал в Петербург учиться и стал студентом-естественником. Приезжая на каникулы, он подолгу беседовал со старшей сестрой Анной на запретные темы о том новом, что вторгалось в жизнь. В Палибино появился журнал Герцена *Колокол* и Чернышевского *Современник*. А затем старшая сестра Анна раскрыла тайну, что она отправила свой рассказ *Сон* в журнал *Эпоха* и получила позитивный отзыв самого Ф.Достоевского. В связи с этим, понятно, почему характерный для эпохи разлад между «отцами и детьми» резко проявился в семье Корвин-Круковских в имении Палибино. Родители боялись бегства детей «к нигилистам», в Петербург, «в коммуну», протестовали против новых идей и нового понимания жизни. Старшее и младшее поколение «не сходилось в убеждениях». Именно старшая сестра Анна объяснила Соне, что вырваться из - под родительской опеки можно через фиктивный брак, который является законным способом ухода от родителей, а также позволяет пробить себе дорогу к образованию и общественной жизни. Юность Сони прошла под влиянием нигилизма старшей сестры Анны, а также прогрессивно мыслящих преподавателей, прежде всего А.Н Страннолюбского, сторонника просветительских идей шестидесятников. Пытливый ум Сони

видел и замечал многое вокруг себя и впитывал новые идеи и мысли о жизни, о новой справедливости и новом счастье.

В 1863 году произошло польское восстание, которое непосредственно коснулось палибинского имения, так как аресты и репрессии коснулись многих соседей и знакомых. Следует отметить, что как Кочина, так и Леффлер в своих книгах сходятся в описании восторженности и романтического восприятия С.Ковалевской польского революционного движения. Владимир Онуфриевич Ковалевский, ставший «освободителем» Софьи, внес в ее жизнь новую широкую волну передовых общественных идей. Он не только являлся деятелем революционных кружков эпохи первой революционной ситуации, он был непосредственным участником польского восстания 1863, был в отрядах Гарибальди, печатал запретные произведения Герцена. Так сформировалось общественное мировоззрение С.Ковалевской к концу шестидесятых годов XIX века. Она чувствовала себя на гребне тогдашних передовых идей и узнавала единомышленников с первого взгляда.

«Мы так сильно увлекались новыми идеями, открывавшимися перед нами, - рассказывала С. Ковалевская своей подруге Леффлер, - мы так глубоко были убеждены, что существующее состояние общества не может долго продлиться, мы уже видели наступление нового времени, времени свободы и всеобщего просвещения, мы мечтали об этом времени, мы были глубоко убеждены, что оно скоро наступит!» (Памяти С.В. Ковалевской. Сборник статей, 1951:77).

Это ценное свидетельство показывает, что С. Ковалевская уже в 60-е годы чувствовала себя не одиночкой, а несомненной участницей общественной жизни и нового течения передовой молодежи. Согласно Кочиной и Нечкиной, С. Ковалевская принадлежала к передовой части русской интеллигенции конца девятнадцатого века, к тому течению, которое называли революционным просветительством. (Памяти С.В. Ковалевской. Сборник статей, 1951:91).

В период 60-80-х годов XIX века лучшая часть русского общества была охвачена стремлением к просвещению, желая принести пользу своему народу в борьбе с мраком невежества и гнетом царского правительства. Горячий отклик находили идеи Чернышевского о переустройстве общества, об освобождении женщины и ее равноправии. Развивалось движение за открытие женских школ и доступ женщин в университеты. Вырвавшись на свободу путем фиктивного замужества, С. Ковалевская оказывается в Петербурге в живой дружеской среде одних из лучших людей того времени. Кроме Владимира Ковалевского, в этот круг входят его брат ученый Александр Ковалевский, Сеченов, Мечников, соратники и друзья не так давно сосланного на каторгу Чернышевского, в этой среде звучат стихи Добролюбова и Некрасова, горячо обсуждаются вопросы, поставленные в романе Чернышевского *Что делать?* Тут Софья находит горячих друзей, помогающих ей, женщине пробиваться к науке, реализовывать своей право на знание и на высшее образование.

Интересно отметить, что как Кочина так и шведская писательница Леффлер, в своих книгах ярко описывают важный период жизни С. Ковалевской, связанный с величайшим революционным событием XIX века Парижской Коммуной. С. Ковалевская сочувствовала революционной борьбе и идеям утопического социализма и в апреле 1871 года вместе с

мужем В.О. Ковалевским приехала в осажденный Париж, где ухаживала за ранеными коммунарами. Позднее принимала участие в спасении из тюрьмы деятеля Парижской Коммуны Виктора Жаклара, мужа своей сестры-революционерки Анны.

Важным моментом в истории науки является то, какую роль сыграла судьба Ковалевской в борьбе женщин за знания и дорогу в высшую школу. В книге Кочиной отмечается, что борьба за право женщин на высшее образование понималась Ковалевской не как вопрос личной биографии или личного успеха, а как общественно значимый вопрос. Не случайно, эпиграфом в книге Кочиной выбраны следующие слова Ковалевской:

«Я чувствую, что предназначена служить истине - науке и прокладывать новый путь женщинам, потому что - это, значит, служить справедливости» С.В. Ковалевская (Кочина, 1981:7).

С. Ковалевская смотрела на свои занятия математикой не только как на личное дело - она хотела открыть новую дорогу женщинам, доказать, что они могут успешно заниматься наукой. Уехав за границу, она старалась также помочь другим девушкам получить высшее образование. В своей книге Кочина приводит пример Юлии Лермонтовой. С.Ковалевская, узнав, что в Москве дочь начальника кадетского корпуса Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846-1919) интересуется химией и сельским хозяйством и на заявление принять ее в Петровскую академию получила отказ, Соня, не будучи знакома с Юлией, начала переписываться с нею и даже приехала в Москву, чтобы убедить родителей и саму Юлию в необходимости поездки за границу для получения образования. Через некоторое время Лермонтова приехала в Гейдельберг и поселилась вместе с С.Ковалевской в одной квартире. Именно С. Ковалевская добилась для Юлии разрешения профессора Бунзена слушать его лекции. В 1874 году Ю. Лермонтова в одно время с Ковалевской получила ученую степень доктора химии, а по возвращению в Россию работала у Бутлерова. Лермонтова всю жизнь была преданным другом семьи Ковалевских, как при жизни Софьи Васильевны, так и после ее смерти она принимала живое участие в воспитании ее дочери - своей крестницы.

Ковалевская постоянно помогала другим молодым женщинам, стремящимся вырваться из быта старой, реакционной России. Трогательна ее забота о Ю. Лермонтовой, Ж. Евреиновой, Е. Литвиновой и многих других девушках. Подчас она просто силой вырывала своих подруг, а иногда и почти незнакомых ей молодых женщин из пут старого быта, пользуясь своим влиянием, личным обаянием, настойчивостью, неустанной активностью. Ковалевская не только внимательно и сочувственно следила за судьбой женщин в России, но также активно содействовала созданию высших женских курсов. Но в тоже время она была страстно возмущена тем, что консервативный царский строй России не дал ей самой возможности преподавать в своей стране. К числу преступлений царизма - можно отнести и то, что эта выдающаяся русская женщина была лишена возможности работать в университете на родине.

Ковалевская уделяла большое внимание работе в Стокгольмском университете. В одном из писем к Марии Мендельсон в 1884г она признавалась: *«В настоящее время я очень занята и совершенно поглощена заботой об упрочении моего положения в университете, чтобы открыть, таким образом, путь для женщин»* (цитирование Ковалевской по Кочиной,

1981:119). Свою преподавательскую работу в университете Ковалевская рассматривала, как определенный этап в борьбе за право женщин заниматься научной и общественной деятельностью. С этой борьбой была связана вся ее сознательная жизнь. Так было в России, где Ковалевская содействовала созданию высших женских курсов, так было и в Швеции, где Ковалевская принимала активное участие в обсуждении вопросов о положении женщины в обществе. Среди слушателей С.Ковалевской в Стокгольмском университете были женщины, ставшие потом преподавателями математики в школах. Шведские газеты, отмечая столетие со дня рождения Ковалевской, указывали, что прошло свыше пятидесяти лет, когда следующая после Ковалевской женщина, Нанна Шварц, стала профессором (медицины) в Швеции (Памяти С.В. Ковалевской. Сборник статей. 1951:65).

В Швеции во второй половине девятнадцатого века возникало много обществ для взаимного общения разных групп людей. Членами общества были писатели, ученые, художники и финансовые деятели. Обществу было присвоено название «Идун» (имя древнескандинавской богини молодости и обновления), в члены общества входили только мужчины. Однако женщины, стремившиеся к равноправию, решили основать свое общество, чисто женское и назвали «Новая Идун». Оно открылось в 1885 году, когда Ковалевская обосновалась в Швеции. Ковалевская и Леффлер стали членами общества. На его собраниях заслушивались доклады, например: *Деловая активность шведских женщин в XVIII столетии*, *Княгиня Дашкова*, *Исследование положения рабочих в нашей стране* и т.д. Спустя два года организовалось новое общество, объединившее и мужчин и женщин, получившее название «Хеймдал» по имени древнескандинавского героя, который был сыном девяти матерей. Среди его инициаторов были Анн Шарлотт Леффлер и С. Ковалевская. Доклады в этом обществе делались по археологии, геологии, литературе, рассказывали о полярной поездке Фригтофа Нансена (1862-1930). Ковалевская была избрана в клуб публицистов Стокгольма. (Кочина, 1981:129-130). Таким образом, С.Ковалевская была подлинным общественным деятелем по своей природе. Она была тесно связана с передовым русским общественным движением и русской революционной борьбой и даже была активным деятелем Парижской коммуны. В тоже время она активно участвовала в общественной жизни Стокгольма. Все это, несомненно, способствовало движению вперед и развитию общественных идей и обогащению, как русской, так и шведской культуры.

3. Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в книге А.Ш. Леффлер

В литературно-историческом контексте представляет интерес интерпретация образа С.Ковалевской ее современницей и подругой Анн Шарлотт Леффлер. В отличие от книги Кочиной в книге Анн Шарлотт Леффлер Leffler A.C. *Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själv*, изданной Stockholm Bonniers förslag в 1892 г., написанной в жанре воспоминаний, главный фокус направлен на описание совместных эмоциональных переживаний и того, что рассказывала С.Ковалевская о себе после переезда в Стокгольм в 1883 году, поэтому научная деятельность С.Ковалевской упоминается опосредованно, в связи с математической и образовательной деятельностью брата Анн Шарлотт - Геста Миттаг-Леффлера, благодаря стараниям которого Соня и смогла

работать в Стокгольмской высшей школе а в дальнейшем получила пожизненное звание профессора Стокгольмской высшей школы (впоследствии Стокгольмского университета).

Книга шведской писательницы, известной своими феминистскими взглядами объемом 196 страниц состоит из введения и 15 частей и может восприниматься читателями как исторический портрет с натуры. Вдохновляющим источником для книги Леффлер было не просто личное знакомство, а дружба и совместное литературное творчество. С.Ковалевская глазами ее современницы и подруги Леффлер предстает перед читателями как живая, гибкая, общительная женщина, верившая своим снам, любившая кататься на коньках в Стокгольме.

При описании своей первой встречи с Софьей Ковалевской Анна Шарлотт отмечала ее серьезный, строго обрисованный профиль, густые каштановые волосы, небрежными волнами обрамлявшие ее лицо, тонкую стройную фигуру, отличавшуюся особой гибкостью и элегантностью и монументальных размеров голову. Леффлер подчеркивала, что именно необычно большие глаза с магнетическим взглядом придавали лицу Ковалевской выражение высокого интеллекта и оказывали такое сильное впечатление на всех.

En allvarsamt och stort tecknad profil, ett rikt, kastanjebrunt hår, upplagdt i en vårdslös fläta, en spenslig figur med en viss smidig elegans i hållningen [...] monumentala hufvudet. [...] Ögonen var det som framför allt gaf detta ansikte den karakter af hög intellegens som gjorde ett så starkt intryck på alla. [...] ovanlig stora och kupiga, samt starkt glänsande, hade de en intensitet i uttrycket som om de velat genomskåda själens innersta skrymslen hos den på hvilket de riktades. [...] denna magnetiserade blick (Leffler 1892: 67).

Во второй половине девятнадцатого века в обществе шли бурные дебаты о браке и о роли и статусе женщин в обществе. Во многих своих произведениях Леффлер затрагивала тему возможности самореализации женщины. Леффлер видела предназначение женщины в творческой самореализации, а не только в семейной жизни. В произведениях Леффлер дискутировалось отношение к эмансипации женщин, а также способность к интеллектуальному развитию женщин *kvinnans intellektuella utveckling*. Многие произведения Леффлер вызывали бурные дебаты и критику современников (Sylvan 1984, Lauritzen 2012).

Согласно документальным источникам еще летом 1884 Леффлер подготовила к публикации биографическую статью о Ковалевской, которая была опубликована в *Ny Illustrerad Tidning* 9 августа 1884 года. Отправным пунктом статьи стало назначение Ковалевской профессором Стокгольмской высшей школы. День назначения Ковалевской профессором математики 28 июня 1884 г. по мнению Леффлер должен стать не только памятным днем молодого Стокгольмского университета, но также важным днем в женской истории «*skall blifva en märklig minnesdag icke blott i vårt yngsta universitets utan också i kvinnoslägtets historia*» (Sylvan 1984:99). Статья содержала не только биографические моменты, но также касалась гендерного аспекта, Ковалевская, выиграв внешнее признание как математик, хотела также показать *vill genom att vinna yttre erkännande som matematiker även visa*

att hon, en kvinna i full jembredd med sin samtids representative män inom vetenskapen. Samma avseende, samma verksamhetsfält, samma inflytande på de studerande, som utan den ringaste tvekan skulle tilldelats henne, om hon varit man, ville hon nu för sitt köns skull tillkämpa sig (Sylvan 1984:99).

Леффлер также подчеркивала Сонину многостороннюю одаренность. Ковалевская была не только женщиной ученой, многосторонне образованная она интересовалась литературой и театром. Она общалась с Достоевским, Тургеневым, Джорж Эллиот, Нансеном и другими выдающимися личностями. Расспрашивая своего брата Миттаг - Леффлера о Сониной одаренности, Анн Шарлотт пыталась узнать о специфически женской черте *specifikt kvinnligt*, например, скорость восприятия, которую часто связывают с недостатком глубины. Геста сказал, что не может обнаружить особенности в конструкции интеллекта Ковалевской. «*Bristande djup kan man visserligen icke anklaga henne för. Tvertom*» Но ученые не могут жаловаться на недостаток глубины в исследованиях Ковалевской, как раз наоборот. Поэтому Анн Шарлотт ослабила выразительность гендерного аспекта, подчеркнув то, что Соня относится к богато развитым людям современности *rikt utvecklad nutidsmänniska*.

Man finner hos henne förenad den största intellegens med den varmaste känsla, den sannaste mensklighet. Frågan om qvinlig eller icke qvinlig bortfaller inför henne. Hon är en verkligen qvinna och på samma gång något mycket mer- en på alla områden, så väl tanke- som känslolifvets, rikt utvecklad nutidsmänniska (Sylvan 1984:99).

Начиная с 1880-х годов, Леффлер знакомится с идеями социализма. Не случайно в своей книге *Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själf*, она в первой же главе *Flickdrömmar. Fiktivt äktenskap* описывает освободительное движение среди интеллигентной молодежи, особенно среди молодых девушек в России конца XIX века как движение за свободу, духовное развитие и просветительство. Сотни молодых девушек из лучших фамилий стремились попасть в лучшие университеты Европы для обучения. Но, так как родители были против, то девушки изобрели тактический ход с заключением фиктивного брака с молодыми людьми, которые готовы были помочь в освобождении девушек от родительского гнета. Соня любила вспоминать, какое это было счастливое время, когда прогрессивная молодежь увлекалась новыми идеями и была убеждена в наступлении нового времени, времени свободы и всеобщего просвещения:

«*Vi voro så hänfödda öfver alla de nya ideer, som mötte oss, så öfvertygade om, att det nuvarande samhällstillståndet ej kunde fortvara längre, vi sågo den härliga tid af frihet och allmän upplysning vi drömde om såsom så nära förestående- så säker. Och så denna känsla af samhörighet!* » (Leffler 1892:11). (Русский перевод цитаты по Кочиной на с.17).

Леффлер рассказывает о том, что Соня покоряла людей своим неосознанным шармом, необычным сочетанием скромности, детской наивности и глубиной мысли «*en egendomlig blandning af nästan barnslig naivitet förenad med ett stort tankedjup*» (Leffler 1892:11).

Во время учебы в Германии Соня вела изолированную жизнь, и Леффлер удивляется ее трудолюбию и способности много часов подряд заниматься математикой. Если в начале учебы Соня светилась от радости, то по свидетельству Леффлер осенью 1874, когда Соня закончила учебу и получила степень доктора философии по математике, она была измучена физически и морально. Если при занятии научными исследованиями ощущался недостаток радости, мысли становились тиранами, а не помощниками, то литературное творчество наоборот дарило Ковалевской высшую радость и прекрасное настроение.

«Också var Sonja, då hon om hösten 1874 erhöill sitt doktorat, så utsliten till kropp och själ, att hon sedan, vid sin återkomst till Ryssland, fann sig för lång tid fullkomligt urståndsatt till varje arbete. Den brist på glädje under arbetet, som här talas om, följde Sonja alltid när hon höll på med vetenskapliga undersökningar. [...] tanken blef hennes tyrann i stället för hennes tjänare, och det fanns intet af skapandets glädje öfver henne vid sådana tidpunkter. Helt olika gick det henne vid hennes senare litterära arbete, hvilket däremot skänke henne den högsta glädje och försatte henne i den ljusaste stämning» (Leffler 1892:36).

При этом Леффлер считала Ковалевскую непрактичной женщиной, которая не обращала внимания на свою внешность, одежду, домашнее хозяйство, не особенно интересовалась своей дочерью, не могла сама купить одежду и даже так и не научилась находить правильно нужную дорогу в Стокгольме: «*Opraktiskhet bidrog också mycket till att göra rent materiella lifvet obehagligt*» (Leffler 1892:37). «*Hon kunde inte själf köpa sig en klädning, kunde icke finna vägen i en stad Stockholm lärde hon i själva verket aldrig att hitta annat än på de gator där hon gick oupphörligt, till högskolan och till sina närmaste vänner, - kunde inte sköta sina affärer, icke sitt hushåll, icke sitt barn - kort sagt, led af en så stor opraktishet att hvarje af det dagliga livets små omsorger*» (Leffler 1892:88).

Леффлер говорит о склонности Ковалевской переоценивать в людях те качества, в которых она сама нуждалась, особенно практичность, и всегда была так рада чувствовать себя защищенной относительно жизненных мелочей: «*...hon var så lycklig att känna sig beskyddad och beroende i dessa små saker, att hon som sagt, gärna överdref sin rädsla och sin hjälplöshet*» (Leffler 1892:89).

Среди характерных особенностей личности Ковалевской Леффлер описывает особенность речи Ковалевской и владение языками: лучше всего Соня владела французским языком. Приехав в Стокгольм, Соня просила 14 дней для того, чтобы начать говорить по-шведски и сдержала слово. Свобода речи часто зависела от ее настроения, будучи в хорошем расположении духа, она разговаривала всегда необыкновенно легко и красиво. Шведы хвалили ее не только за оригинальность высказанных ее взглядов, но и за успешную их передачу на шведском языке. Леффлер обращает внимание на интересную особенность: при изучении нового языка, Ковалевская в определенный момент могла забыть другой язык.

Hon talade alltid flytande, lyckades alltid att uttrycka hvad hon ville och att gifva en individuell prägel åt sin konversation... Sedan hon lärt svenska glömde hon nästan alldeles tyska, och när hon varit borta från Sverige några månader, gick det alltid knaggligt med svenskan, då hon återkom (Leffler 1892: 71).

В последнюю осень она начала изучать итальянский язык: «*Sista hösten, då hon återkom från ett par veckors besök i Italien, såsom alla högst intagen af detta land, hade hon lärt italienska, så att hon kunde uttrycka sig tämligen ledigt på detta språk, men talade i stället ovanligt illa svenska, emedan hon då befann sig i stark misstämning mot svenska*» (Leffler 1892:71).

Тем не менее, сама Ковалевская не считала, что овладела языком в совершенстве и признавалась, что ее тяготит невозможность передавать самые тонкие оттенки своих мыслей: «*Hon beklagade sig dock ofta öfver att ej kunna tala ryska med sina närmaste vänner i Sverige. Hon sade: jag kan aldrig säga er de finaste nyanserna i mina tankar, jag måste alltid nöja mig med*

de näst bästa uttrycken eller med en omskrifning, när jag talar till er, kan aldrig säga det riktigt träffande ordet, och därför, när jag kommer till Ryssland, känner jag mig alltid som frigjord ur ett slags fångenskap, som hållit mina bästa tankar bundna. Å, ni kan inte tro hvilket lidande det är att alltid nödgas tala ett främmande språk till sina förtrogna, det är som att gå ständigt med en mask för ansiktet» (Leffler 1892:72). (Русский перевод цитаты по Кочиной в разделе 5.1 Сравнительный анализ в сравнительной таблице пункт 17. Особенность речи и владение языками С.Ковалевской с. 42-43).

Одной их характерных особенностей личности Ковалевской Леффлер отмечает ее потребность в сотрудничестве и ее мечте о таком союзе двух умов, при котором они взаимно поддерживали бы друг друга. Совместная работа при любовном союзе между женщиной и женщиной стала для нее идеалом жизни, и она только и мечтала о том, чтобы встретить такого человека, который мог бы стать ее вторым я в этом смысле. «*Samarbeteskap i ett kärlekförhållande mellan man och kvinna hade nu blifvit hennes ideal, och hon drömde blott om att finna den man, som i denna mening skulle bli hennes andra jag» (Leffler 1892:100).*

Представляет интерес совместное литературное творчество С. Ковалевской и А.Ш. Леффлер. Их можно назвать двумя выдающимися женщинами своего времени. По своему характеру и как личности они были различны и потому действовали стимулирующим образом друг на друга. Леффлер в своей книге *Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själf* сама признается, насколько сильное влияние оказывала на нее Соня с первого дня знакомства. В подтверждение этого приводится цитата Леффлер из главы *Ankomst till Stockholm. Första intryck*:

Jag tänkte vid denna tid på planen till "Hur man gör godt", men hade ännu ingenting skrivit. Men så stor var Sonjas förmåga att locka fram tankefrön hos andra, att innan hon slapp in till tanddoktern hade jag på fransyska berättat henne hela dramat, mer utveckladt och öfverskådligt än jag själf dittills sett det. Detta var början till det stora inflytande hon sedan fick på allt hvad jag skrev. Hennes förmåga att förstå och sympatisera med andras tankar var så utomordentlig, hennes bifall, då hon gillande, så varmt och entusiastiskt...[...].att det för en så receptiv natur som min ej blef möjligt att arbeta mer utan hennes gillande (Leffler 1892:68).

По свидетельству Леффлер многогранная гениальность Ковалевской и ее уровень образования поднимали ее над многими, в то же время она сама ограничивала себя сильной индивидуалистической натурой и своими антипатиями и симпатиями.

Hennes omfattande genialitet och hennes stora allmänbildning höjde henne öfver all den begränsning, hvarmed traditionella meningar binda de flesta andar. Sin begränsning hade hon endast i sig själf, i sin egen starkt individualistiska natur, med dess utpräglade antipatier och sympatier (Leffler 1892: 69).

Особый интерес для характеристики личности и творчества Ковалевской представляет драма, написанная совместно с подругой - шведской писательницей Анн Шарлотт Леффлер *Kampen för Lyckan, tvänne paralleldramer* (Stockholm, 1887), переведенная на русский язык М. Луцицкой, под заглавием: *Борьба за счастье. Две параллельные драмы. Сочинение С. К. и А. Леффлер* (Киев, 1892). Это литературное произведение имеет неоднозначные оценки современников и критиков. Известно, например, что Геста Миттаг-Леффлер критиковал это

произведение, считая, что литературные увлечения Ковалевской просто отнимают ее время от серьезных занятий математикой. Но в то же время *Борьба за счастье* является примером творческого сотрудничества двух выдающихся женщин Леффлер и Ковалевской. Замысел, общая линия действия, даже черты характера отдельных лиц придуманы С. Ковалевской, с большим энтузиазмом отнесшейся к совместной литературной работе. Но сам текст, его основная словесная ткань в основном принадлежит А.Ш. Леффлер. Сама Леффлер собиралась работать над новым произведением *Utomkring äktenskap*, но Сонина гениальная идея увлекла Анн Шарлотт, которая вспоминала, что никогда не видела Соню такой радостной и светящейся от счастья, переполненной надежд на успех совместной драмы, как в то время: «*Jag minns icke att jag någonsin sett Sonja så glad, så formligen strålande af lycka, so under denna tid...[...].Hon gjorde sig de mest öfverspända förhoppningar om vårt dramas framgång*» (Leffler, 1892: 118).

Это произведение можно рассматривать как попытку синтеза математических идей и литературы. С. Ковалевская часто повторяла, что человеческое счастье - это функция, зависящая от многих переменных. В основу композиции положена математическая идея, драма написана в двух вариантах с двух противоположных точек зрения: в одном случае рассказано «*hur det var*» (как было), в другом- «*hur det kunde varit*» (как могло быть). Первый вариант ведет к несчастью людей, действующих в драме. Но во втором варианте, изменив исходные поступки героев и получив новую линию развития сюжета, авторы приводят своих героев к счастью. Согласно Леффлер, в этом втором варианте Ковалевская желала изобразить картину того, как могло бы быть - картину будущего идеального общества, где все живут для всех, а двое любящих людей друг для друга: «*Detta hur det kunde vara, den dröm som alla drömt. [...] Och så ämnet själft, förhärligandet af kärleken, såom (!) det enda viktiga i lifvet, samt slutligen framtidsbilden af det socialistiska idealsamhället, där alla skulle lefva för alla på samma gång som två och två för hvarandra och bli lyckliga*» (Leffler, 1892: 119).

Ковалевская была убеждена, что поступки и действия людей заранее предопределены, но в то же время признавала, что в жизни бывают такие моменты, когда представляются различные возможности для тех или иных действий, и тогда жизнь может складываться различным образом, в соответствии с тем, какой путь кто выберет. Свою гипотезу Ковалевская основывала на работе А. Пуанкаре о дифференциальных уравнениях: интегралы рассматриваемых Пуанкаре дифференциальных уравнений являются, с геометрической точки зрения, непрерывными кривыми линиями, которые разветвляются только в некоторых изолированных точках. Теория показывает, что явление протекает по кривой до места раздвоения (бифуркации), но здесь всё происходит неопределенным образом и поэтому нельзя заранее предсказать, по какому пути будет дальше протекать явление. Согласно Леффлер, в главной героине этой двойной драмы, Алисе, запечатлены черты самой Ковалевской, и многие из произносимых Алисой фраз, многие из её выражений были взяты целиком из собственных уст самой Ковалевской. Драма выводит на сцену социальные вопросы технического прогресса и безработицы, а также рисует взаимоотношения рабочих и хозяина. Черты наивного утопического социализма отчетливо проявились в драме *Борьба за счастье*. Социализм водворяется на фабрике благодаря самоотверженности пламенной личности и счастливому совпадению обстоятельств. Драма *Борьба за счастье* доказывала всемогущую силу любви и была выражением мечты Ковалевской о возможном синтезе

личного счастья и счастья для всего человечества: «*Det var alltså åt sina egna personliga drömmar och planer, hon ville gifva uttryck i andra delen af Kampen för lyckan, sina drömmar om personlig lycka och om lycka för mänskligheten*» (Leffler, 1892: 125).

Отношения между Леффлер и Ковалевской не всегда были безоблачными (Коваленко, 2007:83). У них были разные темпераменты, бывало и так, что Анна Шарлотт запрещала подруге заходить в свою комнату, так как предпочитала иногда работать в одиночестве.

Не был безоблачным и вопрос о назначении С.Ковалевской на должность профессора математики, поскольку подобного прецедента в истории Швеции еще не было. В то время как Миттаг-Леффлер восхищался и помогал Ковалевской, консервативные круги шведского общества, особенно представители Уппсальского университета, выступили против назначения женщины на должность профессора высшей школы. В этом их невольно поддержал Август Стриндберг. В своей статье *Равенство и тирания* он писал, что «*женщина профессор математики - это вредное и чудовищное явление, и только старомодной галантностью шведов можно объяснить приглашение женщины, которая немного разбирается в математике, в страну, где так много мужчин-математиков, значительно превосходящих ее по уровню знаний*» (Коваленко, 2007:84). Этот сильный выпад выдающегося шведского писателя против женщины ученого не покажется чем-то необычным, если вспомнить отношение Стриндберга к женской эмансипации. Леффлер в своей книге воспоминаний приводит отрывок письма Ковалевской по поводу этой статьи Стриндберга:

«*Som julgåva har jag fått [...] en artikel af Strindberg, i hvilken han bevisar lika klart som att två gånger två är fyra, huru en sådan monstrositet som en kvinnlig professor i matematik är skadlig, onyttig och obehaglig. Jag finner att han i grunden har ganska rätt, det enda mot hvilket jag protesterar är att det i Sverige skulle finnas ett så stort antal manliga matematici, som vore mig öfverlägsna, och att det endast skulle varit af galanteri, som man kallat mig.*» (Leffler, 1892: 83-84). В качестве рождественского подарка я получила статью Стриндберга, в которой он доказывает ясно, как дважды два четыре, насколько женщина профессор математики - явление чудовищное, вредное, бесполезное и неприятное. Я лично нахожу, что он в основном прав, единственное, против чего я протестую, это то, что в Швеции находится такое большое количество мужчин математиков, стоящих выше меня, и что меня пригласили только из-за галантности. (Дан авторский перевод там, где нет других указаний).

В одном из писем Ковалевская признается, как бы она хотела встретиться со Стриндбергом, чтобы пожать ему руку: «*... då vet man, hvad de stackars männen få att lida från de elaka kvinnorna. Fick jag bara träffa Strindberg och trycka hans hand*» (Leffler, 1892: 121).

В 1890 г. Ковалевская присутствовала на празднике в честь Стриндберга, в связи с чем кто-то выразил удивление, поскольку всем было известно его негативное отношение к ее назначению на должность доцента высшей школы. На это она ответила: «*Именно потому, что односторонний Стриндберг так несправедливо напал на меня, я счастлива, что могу выразить свое удивление гениальному Стриндбергу. Мы женщины должны учиться у мужчин, а не допускать человеческим слабостям или ошибкам затемнять истинные заслуги*» (Коваленко, 2007:84). Ковалевская считала Стриндберга гениальным писателем,

была одним из первых русских читателей его произведений, она первой упомянула его имя в русской печати и рекомендовала опубликовать рассказы из цикла *V ihexрах* главному редактору *Северного вестника* Б.Глинскому.

Леффлер в главе *Triumf och nederlag. Allt vunnet - allt förloradt* не скрывает своей антипатии к мужчине (Максиму Ковалевскому), которому так симпатизировала Ковалевская, эта симпатия переросла затем в мучительную любовь: «*den starkaste sympati och beundran, hvilket så småningom hade utvecklats till en lidelsefull kärlek*» (Leffler 1892:144). Интересно отметить, что в книге Леффлер, в отличие от произведения Манро нигде не упоминается полное имя Максима Ковалевского, он фигурирует как «*den tjocke M*». Вскоре он предложил Соне стать его женой, но при этом потребовал, чтобы она отказалась от профессуры. Но Ковалевская чувствовала, что его влечет к ней преклонение перед умом, а не любовь, и старалась употребить все усилия, чтобы внушить ему такую любовь, какую она чувствовала к нему. На этой почве они ссорились, мирились и вновь рвали отношения. Эта внутренняя борьба во многом определяла ее жизнь двух последних лет. Леффлер обращает внимание на дуализм в натуре Ковалевской, которой приходилось разрываться между миром чувств и миром мыслей, между необходимостью выходить замуж и в равной степени глубокой потребностью оставаться самой собой: «*Den dualism i hennes natur, som kom henne att alltid slitats mellan känslans och tankens värld, mellan behovet att gifta sig åt en annan och det lika djupa behovet att äga sig själv, den eviga dualism, som ovillkorligt måste komma i hvarje produktivt begåfvad kvinnas lif, när kärleken gör sig gällande däri såsom en makt*» (Leffler 1892: 156).

В последней главе воспоминаний *Slutet* Леффлер рассказывает о том, что видела живой Ковалевскую последний раз в первые числа декабря 1890 года, и они договорились встретиться в Генуе в Италии сразу после рождества. Этим планам не суждено было осуществиться по причине ошибочного адреса в телеграмме, и поэтому Соня встречала новый год в Генуе с Максимом Ковалевским. Леффлер описывает символический смысл контраста погоды солнечного Средиземноморья, который Соня вынуждена покинуть и необходимость ехать в северный холод. Соня всегда ненавидела холод и темноту также интенсивно, как любила солнечный свет и запах цветов: «*Dessa kontraster mellan Medelhafvets solglöd och nordens köld hade nu för henne blifvit symboliska, och hon hade begynt afsky kölden och mörkret lika intensivt, som hon älskade solljuset och blomdoften*» (Leffler, 1892: 182).

Еще в 1884 г. Соня признавалась Леффлер, что дорога из Стокгольма в Мальме казалась ей самой красивой, напротив обратный путь в Стокгольм воспринимался как самый ужасный, долгий и наиболее убийственный: «*Vägen från Stockholm till Malmö, sade hon, synes mig en af de vackraste järnvägslinier, jag någonsin känt. Men vägen från Malmö till Stockholm är den fulaste, långsammaste, mest mördande resa jag vet*» (Leffler, 1892:81). Эти слова оказались пророческими, так как именно на обратном пути в Стокгольм зимой 1891 Соня сильно заболевает и затем скоростижно умирает.

Спецификой интерпретации Леффлер является особый трагизм и поэтичность описания последнего периода жизни, описание смерти на чужбине в одиночестве с чувством полного поражения в борьбе за счастье. Леффлер желала бы, по крайней мере, чтобы священник

прочитал русские молитвы за Соню в те часы. С каким благоговением Соня хранила религию своего детства и свои детские воспоминания, и знакомые звуки молитвы успокоили бы ее слух, она могла бы приложиться к кресту, который утешал многих умирающих, так как она всегда любила крест как символ человеческих страданий.

Ensam, ensam med en främmande sjuksköterska, som icke ens talade hennes språk, måste hon genomkämpa denna sista, bittra kamp[...]. Jag skulle önskat att åtminstone en präst läst den ryska mässan för henne under dessa timmar. Med den pietet hon bevarade för sin barndomsreligion och alla sina barndomsminnen, skulle dessa kända toner säkert ljudit ljuft och lugnande för hennes öra [...] hennes händer skulle i sitt krampaktiga famlande gripit om det kors, som tröstat så många döende och som hon alltid älskat såsom symbolen af mänsklighetens lidande.

Men intet, intet! Intet tröstens ord, intet bistånd, ingen älskande hand öfver den heta pannan - ensam i ett främmande land, med sargadt hjärta ocj Brustet lifshopp samt kanske bäfvande inför det hon gick till mötes - så skulle hon sluta på jorden, denna själ af eld och själ af tankar (Leffler 1892: 188). Но ничего этого не было! Ни слов утешения, никакой помощи, ни любящий руки, которая могла вытереть горячий лоб - одна в чужой стране, с печальным сердцем и рухнувшими надеждами, так закончила свой путь на земле душа из пламени и дум. (Дан авторский перевод там, где нет других указаний).

Последние три слова Анн Шарлотт взяла из стихотворения, написанного на смерть Ковалевской ее братом Фриц Леффлером, и она приводит целиком это стихотворение в конце книги, как прекрасно характеризующее сущность Ковалевской (Приложение 2).

Согласно свидетельству Леффлер смерть Ковалевской вызвала большой резонанс и участие, приходили телеграммы соболезнования не только от многих высших школ, даже из самой консервативной Петербургской академии наук, также приходили письма от простых учеников и учителей из Харькова и Тифлиса. Все газеты и журналы содержали некрологи, посвященные редкой женщине, которая больше других прославила женский пол: «*Alla tidningar och tidskrifter innehöllo äreminnet öfver den sällsynta kvinnan, som mer hedrat sitt kön än någon annan*» (Leffler 1892:193). Леффлер признается, что не хотела, чтобы образ Ковалевской был на пьедестале как своего рода великой женщины с необычными пропорциями и необычно развитым, прекрасно сконструированным мозгом: «*...en ovanligt utvecklad, fint konstruerad hjärna, ett slags jättekvinna med proportioner så öfver det vanliga måttet*» и поэтому через свои детальные воспоминания о жизни Ковалевской с ее слабостями и ошибками, хотела подчеркнуть ее общечеловеческие черты и, таким образом, сделать ее ближе к другим женщинам: «*...de allmänt mänskliga drag i hennes bild, som komma henne att liksom rycka närmare andra kvinnor*» (Leffler 1892: 194).

4. Интерпретация жизни и творчества С.Ковалевской в произведении А. Munro

Книга канадской писательницы Alice Munro *Too Much Happiness* была опубликована в 2009 году на английском языке и объединила в себе десять новелл. Название последней новеллы *Слишком много счастья* о Софье Ковалевской с.246-305 - стало заглавием всей книги. В этой истории ставится вопрос: чем можно измерить счастье и стоит ли вообще это делать. Следует отметить, что за свои повести, отражающие разные женские судьбы Элис Манро была отмечена международной премией Букер в 2009 году и Нобелевской премией в области литературы в 2013 году с формулировкой: «*Мастеру современного короткого рассказа*».

По признанию самой Манро, она открыла для себя Ковалевскую, когда была в поисках совсем другой информации в *Encyclopedia Britannica*. То, что Ковалевская была одновременно и писательницей и математиком, сразу вызвало большой интерес, и Манро принялась читать все, что могла найти о Ковалевской. Больше всех ее вдохновила книга Kennedy D.H. *Little Sparrow: A Portrait of Sophia Kovalevsky* (Ohio University Press, Athens, Ohio, 1983). Манро выразила благодарность автору этой книги Дону Кеннеди и его супруге Нине, дальней родственнице Ковалевской, которая предоставила ей множество переведенных с русского языка текстов, в том числе фрагментов писем и дневников Софьи. Манро советует всем заинтересовавшимся судьбой Ковалевской прочесть книгу семейной пары Кеннеди, в которой есть особая историческая и математическая глубина.

В отличие от книг Леффлер и Кочиной, действие повести Манро ограничено последним годом жизни Ковалевской. В повествование органично вплетаются воспоминания детства, юности и события дальнейшей жизни и это придает изменчивую хронологию и диспозицию произведению. По структуре произведение состоит из эпиграфа, пяти частей и эпилога-благодарности. Это в большей степени художественное произведение по мотивам жизни Ковалевской. Повествование ведется от третьего лица, завуалированное авторское Я. Манро в качестве эпиграфа выбрала следящие слова С.Ковалевской:

«Many persons who have not studied mathematics confuse it with arithmetic and consider it a dry and arid science. Actually, however, this science requires great fantasy» (Munro, 2009:246)
«Многие, которым никогда не представлялось случая более узнать математику, смеивают ее с арифметикой и считают ее наукой сухой и бесплодной. В сущности же, это наука, требующая наиболее фантазии...» (Ковалевская 1974:23).

Художественное повествование начинается с первого дня 1891 года, Манро описывает женщину небольшого роста и крупного мужчину, которые прогуливаются по старому кладбищу в Генуе. У женщины по-детски большая голова и темная кудрявая шевелюра и энергичное выражение лица. Интересно отметить, что Манро вначале описывает и знакомит читателя с Максимом Ковалевским, который списывает эпитафии с могильных плит, так как увлечен историей и древними языками и только потом с героиней повести, которая носит такую же фамилию. Имя Максим очень идет мужчине, так как он отличается крепким и пропорциональным телосложением и занимает много пространства как физически, так и в мыслях героини. Имя героини Софья читатель узнает только на четвертой странице повести.

В первом же диалоге с Максимом, читатель узнает, что героиня повести суеверна и верит в приметы, так как она говорит:

«You know that one of us will die,» she says. «One of us will die this year».

Only half listening he asks her, «Why is that?»

«Because we have gone walking in a graveyard on the first day of the New Year» (Munro, 2009:247). *«Один из нас не переживет этого года, потому что мы пошли гулять по кладбищу в первый день нового года».* И это пророчество сбывается в конце новеллы, когда Ковалевская умирает в феврале 1891 года.

Ковалевская глазами канадской писательницы Элис Манро предстает перед читателями как влюбленная женщина, мечтающая о любви и счастье, о замужестве ближайшей весной (1891), часто путешествующая, в некоторых ситуациях беззащитная и очень женственная, верившая в приметы и судьбу.

В произведении Манро дается объяснение мотивации литературного творчества Ковалевской, именно любовь к Максиму вдохновляла Ковалевскую к литературному творчеству. Ярко прослеживается мотив жизни как путешествия. Описание последнего сложного года жизни как трагического путешествия обратно в Стокгольм. Перед читателем возникают образы, пейзажи, сцены так, как будто они написаны на холсте в живой, импрессионистской манере. Это придает большую убедительность, реальность и жизненность повествованию. Читатель следует за воспоминаниями героини от места к месту: от Парижа, где она выиграла математическую премию Бордена, к Палибино, родовому поместью в России, где выросла Софья, то в Гейдельберг и Берлин, где она изучала математику, то в Петербург, где она почувствовала вкус светской жизни, балы, театры и оперы, и, наконец, Стокгольм, где она получила преподавательскую работу в высшей школе.

Вслед за Бахтиным существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, мы будем называть хронотопом (что в дословном переводе означает - «времяпространство»), нам важно выражение неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (Бахтин 1975:234). Интересно отметить, что, несмотря на то, что физически действие повести происходит во время возвращения Ковалевской из Италии и Франции в Северную Европу и Стокгольм, то внутреннее пространственно-временное измерение растягивается и углубляется. В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Прошлое, настоящее и будущее объединены фрагментами воспоминаний, снами, мимолетными впечатлениями и переживаниями.

Во время долгой поездки С. Ковалевской из Генуи в Ниццу, затем в Париж в поезде она видит сон, смешивающий все воедино - воспоминания о старшей сестре Анюте в Палибино, о первой повести Анюты, которую Достоевский опубликовал в своем журнале и затем влюбился в Анюту и сделал ей предложение, затем события Парижской коммуны 1871 г.,

куда Анюта следует за своим возлюбленным Жакларом, а Софья помогает раненым в госпитале, но среди уже умерших солдат узнает бывшего мужа Владимира Ковалевского и от этого Софье хочется убежать от этих несчастных к возлюбленному Максиму и она просыпается. По дороге обратно в Стокгольм, Ковалевская в Париже встречается с известным математиком Пуанкаре и посещает Виктора Жаклара, мужа своей покойной сестры, чтобы увидеть племянника. Затем из Парижа она едет в Германию, где в Берлине посещает своего академического наставника профессора Вейерштрасса, который не одобряет ее увлечение литературным творчеством и призывает заниматься только математикой. Читатель узнает некоторые детали жизни Ковалевской, обучение математике, ее профессиональные достижения, ее брак и семейные отношения, материнство, потерю мужа и сестры. Таким образом, жизнь Ковалевской представлена как ретроспектива, во время ее путешествия от возлюбленного Максима обратно к месту работы в Стокгольм. Уже по дороге из Берлина в Росток случайным попутчиком Ковалевской становится датский врач с острова Борнхольм, который просит Ковалевскую сменить маршрут и не заезжать в Копенгаген, так как там эпидемия оспы, которую власти скрывают и дает ей маленькую таблетку, которая может принести облегчение, если путешествие покажется утомительным. Последняя часть пути оказывается самой сложной, пассажиров просят покинуть вагоны, несмотря на снег с дождем. Затем, чтобы не опоздать на конечный поезд до Стокгольма, Софья вынуждена сама нести тяжелые сумки, так как у нее не оказывается необходимой мелочи для носильщика. После стресса, спасенная кондуктором, который втаскивает ее в поезд, Софья ощущает сильную боль в груди и в горле. Уже в купе Софья проглатывает таблетку, которую ей дал датский доктор, и это помогает ей преодолеть страшный приступ кашля, боль в горле и жуткое сердцебиение. Эта таблетка имела сильный эффект и привела к особым ощущениям, почти полному изменению сознания, как - будто морская волна накрыла ее. Сначала Софья чувствовала облегчение, а потом сжавшееся сердце расширилось, стало легче, и она вдруг научилась относиться ко всему на свете просто и с юмором. Даже оспа в Копенгагене показалась ей теперь не страшнее чумы в старинной балладе. И такой казалась вся ее собственная жизнь - все ее потери и несчастья были не более чем иллюзиями. События принимали новую форму как бы сквозь преломляющее стекло. Нечто подобное ей довелось испытать лет в двенадцать, при знакомстве с тригонометрией и изучении раздела оптика, когда ей открылся новый прекрасный язык математики.

Главный фокус произведения – женщина в динамике взаимоотношений и стремлении к любви и счастью - художественное описание судьбы и личных взаимоотношений неординарной одаренной русской женщины, вынужденной быть эмигранткой и ставшей профессором математики в Стокгольмской высшей школе.

Среди характерных особенностей личности С.Ковалевской подчеркивается женственность, этническая принадлежность, неординарность как литературная, так и математическая, интуиция, трудолюбие, впечатлительность, уязвимость и чувствительность, особенность речи и владение языками. Манро обращает внимание на взаимосвязь речи Ковалевской с ее самочувствием, настроением и состоянием здоровья.

She wanted some tea, and lozenges for her throat, but she could not face the waiting in line or the speaking French. No matter how well you can manage when you are in good health, it does not take much of a drop of spirits or a premonition of sickness to send you back to the shelter of your nursery language (Munro 2009: 265).

Интересная особенность интерпретации Манро в отличие от Кочиной и Леффлер заключается в том, что часто упоминается этническая принадлежность и ностальгия Ковалевской по всему истинно русскому (русскому языку и общению, русскому климату, русскому чаю, и т.д.). Ностальгия Ковалевской по России пронизывает все произведение. Достаточно упомянуть, что *Russia* встречается более одиннадцати раз, а прилагательное *Russian* упоминается более двадцати трех раз в этой короткой художественной повести. Когда Софья оказывается в долгом зимнем путешествии из Италии через Париж, Германию и Данию в Стокгольм в одиночестве, в болезненном состоянии, у нее возрастает потребность в безопасности и чувстве дома, и она находит опору и защиту в родном языке, в воспоминаниях о доме, о русском климате, русском чае: «*The tea wagon has come. That will help her throat, thought she wishes it was Russian tea*» (Munro 2009: 267).

Манро объясняет мотивы литературного творчества Ковалевской, как порыв ностальгии по всему бесконечно дорогому и безнадежно утраченному, это отразилось в произведении *Воспоминания детства* о жизни в семейном имении Палибино, а повесть *Нигилистка* родилась от боли за свою страну, и от чувства патриотизма и, возможно, от чувства вины за все, на что София не обращала внимания, вечно занятая математикой и перипетиями своей личной жизни: «*She had written the recollections of her life at Palibino in a glow of love for everything lost, things once despaired of as well as things once treasured. She had written it far from home and her sister was gone. And Nihilist Girl came out of pain for her country, a burst of patriotism and perhaps a feeling, that she had not been paying enough attention; with her mathematics and the tumults of her life*» (Munro 2009: 281).

Рассказывая о повести *Нигилистка* своему научному наставнику Вейерштрассу, Софья понимает, что русские цензоры не позволят опубликовать произведение, где главная героиня интересуется больше политикой, чем любовью и готова выйти замуж за политически осужденного, чтобы облегчить его участь: «*It is all about a girl who is more interested in politics than in love. The Russian censors will not let it be published and the world outside will not want it because it is so Russian*» (Munro 2009: 280).

Элис Манро виртуозно использует способность рассматривать жизненные ситуации ретроспективно и этот ретроспективный взгляд в прошлое помогает читателю разобраться в душевных движениях и психологических мотивах поведения героини. Решения, определяющие судьбу, принимаются во взаимодействии с другими людьми, и, балансируя на эмоциональных качелях отношений, человек реализует себя определенным образом. Ретроспективный взгляд и воспоминания прошлого создают изменчивую хронологию и придают произведению в шестьдесят страниц «романную» емкость. Включение ретроспективного взгляда на жизнь через воспоминания и сны, позволило Манро использовать способ выражения смысла, который характерен, прежде всего, для поэтического текста. Этот способ, согласно Якобсону, заключается в установлении в тексте эквивалентностей - сходства и противопоставления (Якобсон 1975). Путем установления

интертекстуальных связей в произведении создаются эквивалентности, которые структурируют текст таким образом, что он наделяется дополнительным, более глубоким внутренним смыслом, тем самым, компенсируя краткость. Таким образом, использование ретроспективного взгляда на жизнь способствует поэтичности и лаконичности произведения.

Одним из самых важных отличий произведения Манро от книг Леффлер и Кочиной является живая диалогичность повествования (диалоги с Максимом Ковалевским, профессором Вейерштрассом, Жакларом, попутчиками и т.д.) В произведении Манро черты импрессионизма проявились через стремление к конструированию субъективной «иллюзии мира» через тщательный подбор деталей и впечатлений. Но в действительности эта установка – лишь «иллюзия импрессионизма», она подразумевает вторжение рационального начала, отбор и организацию впечатлений. Речь идет о психологическом подтексте, переданном через яркую деталь, описание, «случайный» бытовой диалог.

Одним из самых ярких диалогов, раскрывающих контраст ценностей людей разных мировоззрений и разных поколений, является разговор Ковалевской со своим родным племянником Юрием – сыном старшей сестры Анны. Софья специально приехала в дом Виктора Жаклара в Париже, чтобы узнать, как обстоят дела у племянника с учебой и планами на будущее. Когда Юрий провожал Софью обратно до станции, он рассказал, что отец скуп, печку не топит и живет с другой женщиной, страшной как крыса «*ugly as a sewer rat*». Софья замечает, что не следует так отзываться о женщинах: «*You shouldn't talk that way about women*». На что Юрий провокативно заявляет, почему нет, если женщины хотят равноправия: «*Why not, if they want to be equal?*»

Sophia «*I suppose I should say «about people». But I don't want to talk about her or your father. I want to talk about you. How are you doing with your studies?*»

Urey: «*I hate them*»

Sophia: «*You cannot hate all of them. Can you speak Russian to me?*»

Urey: «*It's a barbaric language. Why can't you speak better French? He says your accent is barbaric. He says my mother's accent was barbaric too. Russians are barbaric*» (Munro 2009: 263).

Софья напомнила Юрию, как было весело летом в Sèvres, как они болтали обо всем на свете и что Фуфа (дочь Ковалевской) все еще спрашивает про него и помнит, как он хотел жить с ними вместе. Юрий все это назвал несерьезными детскими глупостями. Когда Софья интересуется, чем он будет заниматься в жизни, Юрий с гордостью отвечает, что будет ездить на омнибусе (an omnibus boy) и выкрикивать остановки. На замечание Софьи, что, возможно, он не всегда будет счастлив выкрикивать остановки: «*Perhaps you would not always be happy calling out the stations*» Юрий заявляет, что это полезное занятие, в отличие от занятий математикой и вообще он не уважал бы себя, если бы был профессором математики: «*Why not? It's very useful. It's always necessary. Being a mathematician isn't necessary, as I see it. » «I could not respect myself», he said. «Being a professor of mathematics» [...]. «Just getting prizes and a lot of money for things nobody understands or cares about and that is no use to anybody».*

Sophia: «*Thank you for carrying my bag. She handed him some money, though not so much as she had intended*» (Munro 2009:264).

В этом диалоге ярко показаны противоречия мнений и ценностей людей разных мировоззрений и разных поколений. Племянник Юрий отвергает в провокативной форме основные аспекты идентичности Ковалевской, ее принадлежность к женскому полу, ее родной русский язык называет варварским и ее работу преподавателем математики в высшей школе и профессорство считает бесполезным занятием. Несмотря на провокативную манеру Юрия Софья отвечает ему терпеливо и вежливо, с грустной печалью благодарит племянника.

Как видим, Манро дает художественную интерпретацию жизни и творчества Ковалевской, личных взаимоотношений, мотивов литературного творчества и лишь в небольшой степени касается научной деятельности. Даже получение престижной премии Бордена в Париже за математические исследования рассматривается как причина изменения взаимоотношений с Максимом Ковалевским, который не желал оставаться в тени там, где центром внимания был не он, а математически одаренная Ковалевская.

Хотя повесть Манро это фикция, где воспоминания и фантазия тесно переплетаются, отношения Ковалевской с ключевыми математиками эпохи, такими как Миттаг-Леффлер, Вейерштрасс и Пуанкаре, основаны на фактах. Показаны дружеские отношения Ковалевской с научным наставником немецким профессором Вейерштрассом, который всю жизнь ждал ученика, который будет не просто следовать за ним, а сам вырвется вперед, и такого ученика он нашел в Ковалевской. Она удивляла его не только математической одаренностью и блестящими решениями, но и тем, что была такой хрупкой, молодой и энергичной. Вейерштрассу хотелось успокоить ее и научить справляться с ослепительными фейерверками, который производил ее мозг: «*She was a shock to him in many ways. She was so slight and young and excited. He felt that he must soothe her, hold her carefully, letting her learn how to manage the fireworks in her own brain*» (Munro 2009:270). Манро замечает, что пожилой Вейерштрасс часто забывает о гендерной идентификации Ковалевской и воспринимает ее как подарок судьбы: «*Truly I sometimes forget that you are a woman. I think of you as- as a- as a what? As a gift to me and to me alone*» (Munro 2009:280).

Сравнивая различные подходы в разных странах к женскому профессорству, Софья в первую очередь вспоминает, как ей нравился Париж, где ей вручали Борденовскую премию, где она знакомилась с прогрессивными математиками и политиками, где, как она считала, не бывает ни скуки, ни снобизма, ни обмана: «*In Paris, she had proclaimed, there is no such thing as boredom or snobbishness or deception*». Тем не менее, когда дело дошло до поисков работы, французы закрыли все двери. Парижане думали об этом не больше, чем о том, как взять на работу ученую шимпанзе: «*But they had closed their doors when it came to giving her a job. They would no more think of that than of employing a learned chimpanzee. The wives of the great scientists preferred not to meet her, or invite her into their homes*» (Munro 2009:266).

В отличие от французов, шведы приняли ее, с уважением относились к тому, чем она занималась, жены ученых в Стокгольме приглашали ее к себе на званые вечера и даже, если она была для них курьезом, но таким, который приняли и одобрили: «*The wives of Stockholm invited her into their houses, to the most important parties and intimate dinners. They praised her*

and showed her off. They welcomed her child. She might have been an oddity there, but she was an oddity that they approved of. [...] They had respect for what she did, and many of them believed that more women should do such things and someday they would» (Munro 2009:267).

Ковалевская понимала, что даже ее соотечественник и предполагаемый муж Максим Ковалевский считал ее всего лишь *любопытной чудачкой, новинкой сезона, дамой с математическими способностями, по-женски робкой, очаровательной, но с весьма странным устройством головного мозга - там, под кудряшками*: «*While she was an utter novelty, a delightful freak, the woman of mathematical gifts and female timidity, quite charming, yet with a mind most unconventionally furnished, under her curls»* (Munro 2009:250). А математику Максим считал не то, чтобы совсем бесполезным занятием, но все-таки чем-то маловажным: «*... he found mathematics not trivial, but somehow beside the point. How could a professor of law and sociology think otherwise?»* (Munro 2009:253). *Да и может ли иначе думать профессор права и социологии?*

Возвращаясь к гендерным аспектам, согласно Манро, когда все устроилось с фиктивным браком в России, Софья была очень рада не оттого, что выходила замуж, а оттого, что смогла сделать приятное сестре Анюте и внести свой вклад в эмансипацию русских женщин: «*Sophia was overjoyed, not indeed to be marrying Vladimir but to be pleasing Aniuta by striking a blow for the emancipation of Russian women»* (Munro 2009:276).

В повести Манро изображаются разные модели женского поведения, и размышления Ковалевской по поводу архаичной пассивной социальной роли большинства женщин того времени. Например, Ковалевская представляет, чтобы ответила ее попутчица с детьми в поезде, если бы Софья стала рассказывать ей о новой борьбе женщин за право голоса и место в университетах, наверное, сказала бы что-нибудь вроде *на все воля Божья, а это ему не угодно*: «*How terrible it is, Sophia thinks. How terrible is the lot of women. And what might this woman say if Sophia told her about the new struggles, women's battle for votes and places at the university? She might say, But that is not as God wills. And if Sophia urged her to get rid of this God and sharpen her mind, would she not look at her- Sophia- with a certain stubborn pity, and exhaustion, and say, How then, without God, are we to get through this life?»* (Munro 2009:294).

Представлены размышления о судьбе двух незамужних сестер Вейерштрасса, которые по воле Бога всю свою жизнь посвятили заботе и уходу о своем брате профессоре математики.

С позиций гендерного подхода Ковалевская не могла обрести счастья, будучи просто женой и домохозяйкой, ей жизненно необходима была активная творческая самореализация, как в математических исследованиях, так и в литературном творчестве. Но для творческой самореализации она нуждалась в безопасности, стабильности и комфорте, который мог бы обеспечить сильный уверенный мужчина. Несмотря на то, что Ковалевская внесла свой вклад в эмансипацию женщин на пути к обретению прав получения высшего образования и на пути к открытию дороги женщинам к преподаванию в высшей школе и ее можно рассматривать как предшественницу современной независимой женщины, обеспечивающей себя и пытающейся жить благодаря своим знаниям, она не принимает полностью феминистский дискурс. В произведении Манро ярко показано как Софья нуждается в надежном плече, защите и заботе, в чудесной уверенности *marvellous assurance*, что все

лучшее в мире всегда готово к услугам: «*Good things he believes he has a right to expect*» (Манро 2009:294), мужской самоуверенности, которой обладали ее отец и Максим Ковалевский.

Название повести Манро *Слишком много счастья* стало фактически художественной документацией последних слов Софьи Ковалевской перед смертью. Но что в действительности означали последние слова Ковалевской *Слишком много счастья*? Это фраза может иметь разные толкования. Может ли быть слишком много счастья? Являлся ли тон искренним или это горькая ирония? Возможно, Ковалевская нашла *слишком много счастья* в своей работе в ущерб своей личной жизни? Была ли надежда найти счастье сразу в нескольких в сферах жизни? Или это *слишком много*, чтобы желать? Перед смертью Ковалевская переполнена идеями как математическими, так и новыми литературными планами, является ли это состояние результатом эйфории после лекарств? Название рассказа заставляет читателя задуматься и самому искать ответ на вопрос о том, может ли быть слишком много счастья у женщины ученого. Ведь жизненный путь Ковалевской, это нелегкий путь интеллектуальной женщины, чье стремление к счастью неоднократно встречало серьезные преграды. Ей, как и другим женщинам было отказано в получении высшего университетского образования в своей родной стране России и она заключает фиктивный брак, чтобы получить возможность выехать на учебу за границу. Хотя она достигает успеха в учебе и, благодаря своей одаренности и трудолюбию, в качестве исключения получает степень доктора наук по математике в Германии, но из-за принадлежности к женскому полу долгое время не может претендовать на работу преподавателя математики в высшей школе. Когда фиктивный брак становится реальным и появляется дочь, ни ее муж, ни она не могут обеспечить себя материально интеллектуальной деятельностью в России. Позднее ее муж, не справившись с финансовым кризисом, кончает жизнь самоубийством. Ковалевская уезжает в Европу, чтобы продолжить свою карьеру в области математики, оставив ребенка на попечение своей близкой подруге. Благодаря поддержке своего научного наставника профессора Вейерштрасса и шведского друга математика Миттаг-Леффлера, она получает приглашение на работу преподавателем математики в Стокгольмской высшей школе в Швеции. Позднее Ковалевская влюбляется снова в соотечественника и однофамильца Максима Ковалевского, но отношения этих двух независимых людей сложные и неровные, хотя они собираются пожениться весной (1891). При возвращении из Италии с рождественских каникул обратно в Стокгольм Ковалевская заболевает пневмонией и вскоре умирает. Согласно очевидцам, последними ее словами были *Слишком много счастья*.

Жизнь Ковалевской представляет классический конфликт выбора женщины между профессиональной карьерой и личными отношениями. Традиционно патриархальное общество настроено так, что только разумные мужчины могут достичь успеха в карьере и счастья в личной жизни одновременно, в то время как интеллектуальные женщины всегда должны выбирать. С.Ковалевская, достигнув успеха в карьере, стремится вопреки обстоятельствам и времени обрести счастье в личной жизни. Но, возможно, это уже *слишком много*.

Слово *happiness* появляется в повести четыре раза, один раз когда Ковалевская пишет подруге о ее предстоящем браке с Максимом: «...it is to be happiness after all. Happiness after all. Happiness» (Munro 2009:253) ... это должно быть счастье после всего. Счастье, в конце концов. Счастье. Как видим, счастье повторяется три раза на одной странице, используется анафора - лексический повтор для придания экспрессивности художественному тексту и в конце, на смертном одре, последние слова *Too much happiness* (Munro 2009:324). Производные от слова *happy* появляются несколько раз. Первый раз, когда Ковалевская приблизилась к решению так называемой *математической русалки*, задачи о вращении твердого тела с помощью тета функций с двумя независимыми переменными и была счастлива «*She worked desperately but happily*» (Munro 2009:249). Второй раз, когда Максим советует ей возвращаться обратно в Швецию, где она должна быть счастливой, так как ее ждут друзья, студенты и маленькая дочь: «*She should be happy where her friends were waiting her. Her students would have need of her and so would her little daughter*» (Munro 2009:250). Затем, в разговоре с профессором Вейерштрассом, когда она рассказывает, что выйдет замуж за русского социолога Максима Ковалевского, и будет жить на юге Франции, будет свободна и здорова и напишет много математических статей: «*Mein Lieber, I order you, order you to be happy for me*». (Munro 2009:280). И, наконец, вспоминая свое первое открытие математического языка тригонометрии, когда она почувствовала себя интенсивно счастливой, так как математика была для нее природным даром, подобно северному сиянию: «*She was intensely happy. Such discoveries would happen. Mathematics was a natural gift, like the northern lights. It was not mixed up with anything else in the world, not with papers, prizes, colleagues, and diplomas*» (Munro 2009:299). Следует обратить внимание на равное количество использования производных от слова *happy*, относящихся как к ее личной жизни, так и к счастью, найденному в научной работе, как - будто настоящее счастье находится в гармоничном балансе того и другого.

В повести Манро мы видим Ковалевскую, как женщину, разрывающуюся между противоположными движущими силами: с одной стороны стремлением к свободе, независимости и занятиям любимой математикой, с другой стороны желанием обрести безопасность, стабильность, тепло, комфорт, которые может предложить сильный мужчина и замужество. Манро показала, какую высокую цену приходится платить женщине ученому за такую тяжелую ношу, как изменение патриархальной парадигмы.

В произведении Манро присутствует историческая реальность Западной Европы (Италии, Франции, Германии, Дании и Швеции) конца XIX века, а также опосредовано через воспоминания - историческая реальность России конца XIX века. Упоминаются такие исторические события как Парижская коммуна (1871), отмена крепостного права в России (1861), ухудшение политической атмосферы в России после убийства царя Александра второго (1881).

Слишком много счастья - это художественное произведение со штрихами импрессионизма. Импрессионизм в литературе (фр. *impressionisme*, от *'impression'* - *'впечатление'*) это одно из литературных стилевых явлений, распространившееся в последней трети XIX - начале XX вв. Импрессионизм как метод впервые появился в живописи, затем распространился на другие виды искусства. Термин возник, когда в 1874 на выставке в Париже молодых

художников, отвергнутых официальным Салоном, К.Моне представил свою картину *Впечатление. Восход солнца* (1872). *Впечатление (impression)* дало название новому направлению, которое в основном проявилось в живописи. В литературе, в отличие от живописи, импрессионизм не сложился как отдельное направление. Скорее можно говорить о чертах импрессионизма внутри разных направлений эпохи, прежде всего внутри натурализма и символизма (Энциклопедия Кругосвет, 2014). «Чистое наблюдение», провозглашенное импрессионистами, подразумевало отказ от обобщения, от законченности. Импрессионизм был против общего, утверждал частное, импрессионисты изображали каждое мгновение.

Элис Манро, показывая динамику внутренней жизни Ковалевской, пытается прояснить источники ее чувств и поступков. Манро вносит психологизм и экспрессивность эмоциональных переживаний в повествование, что помогает раскрытию богатого внутреннего мира и продвигает понимание человеческой природы и человеческих отношений. Несмотря на то, что в конце повести дается оценка исторической роли Ковалевской, упоминается факт присвоения имени С.Ковалевской кратеру на Луне, а также дальнейшая судьба дочери С. Ковалевской, у читателя остается чувство незаконченности и недосказанности. Повесть обрывается столь же неожиданно, как и начинается. Здесь нет каких-либо выводов или морали. В полном соответствии с литературными взглядами Чехова, Манро ставит интересный вопрос, но не отвечает на него. Искать ответы, судить, морализировать - все это предоставляется самому читателю.

Таким образом, специфика интерпретации Манро, заключается в том, что автору удалось создать психологический импрессионистский портрет Ковалевской, который помогает раскрыть психологические особенности творческой индивидуальности в динамике и этот эффект создается за счет того, что художественная повесть написана с элементами импрессионизма.

5. Дискуссия

При проведении сравнительного анализа произведений о С. Ковалевской разных авторов, очень важно понимать, что книги написаны в разное время, разными людьми в разных жанрах с различными целями. Следует обратить внимание, что в данном исследовании речь идет не о поиске абсолютной истины, а только о сравнении разных мнений и интерпретаций жизненного пути С.Ковалевской.

Согласно Ананьеву Б.Г. сутью биографического метода и его специфическим предметом является жизненный путь. Биографический метод - исторический и одновременно генетический, так как позволяет проследить динамику жизненного пути. Биографический метод - сбор и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности (анализ человеческой документации, свидетельств современников, продуктов деятельности самого человека и т. д.). Личность - исторический феномен, *«поэтому, изучение личности неизбежно становится историческим исследованием не только процесса ее воспитания и становления в определенных социальных условиях, но и эпохи, страны,*

общественного строя, современников, соратников, сотрудников или, напротив, противников - в общем, соучастников дел, времени и событий, в которых была вовлечена личность». (Ананьев, 1968:2).

Шведская писательница Анн Шарлотт Леффлер (1849-1892) отмечает в своей книге *Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevdat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själf*, которая была опубликована через год после смерти Ковалевской в 1892, что считает своим долгом описать все то, о чем ей рассказывала Ковалевская, так как в последние годы Соня часто говорила ей: «*Du skall skriva min lefnadshistoria, när jag död*». Leffler påpekar att hon blev «*hennes (Sonias) andra jag, som hon så ofta benämnde mig och framställa henne, så vidt detta var mig möjligt så som hon framställt sig själf för mig*» (Leffler 1892: 6).

«*Som man ser är det alltså icke en objektivt sann lefnadshistoria, jag har sökt skildra. Hvad är för öfrigt objektivt sant, när det gäller själsförklaring?*» (Leffler 1892:7).

Как видим, Леффлер, как писатель с большим опытом, в самом предисловии к своей книги признается в субъективности своего восприятия Сони Ковалевской и не претендует на объективность.

«*Må andra skildra henne objektivt, om de det kunna. Jag gör icke anspråk på annat än en subjektiv skildring af mina subjektiva uppfattningar af hennes egen starkt subjektiva själsförklaring*» (Leffler 1892:8). Пусть другие, если могут, изображают ее объективно. Я не претендую ни на что другое, как субъективное изображение моих субъективных представлений о ее собственном сильно субъективном объяснении самой себя.

Вдохновляющим источником ее книги было не просто личное знакомство, а дружба и совместное литературное творчество над драмой *Борьба за счастье*. В книге Леффлер мы наблюдаем сильно выраженное авторское Я и описание эмоциональных внутренних переживаний и того, что рассказывала С.Ковалевская о себе. Леффлер в своих воспоминаниях очень живо и ярко описывает эмоциональную жизнь С. Ковалевской, главный фокус направлен на освещение чувств и переживаний женской души и совместного литературного творчества. Следует отметить, что жанр воспоминаний, дневников и мемуаров рассматривается как особый тип «женского опыта» и традиционно относится к «женским жанрам» в литературном каноне «большой литературы».

Автор другой книги, которая опубликована в 1981 году на русском языке, почти спустя 100 лет после книги Леффлер, Пелагея Яковлевна Кочина (1899-1999) по образованию физик-гидродинамик, доктор физико-математических наук, академик Российской Академии наук. Книга Кочиной имела целью свести воедино наиболее значительное и интересное из всех известных материалов (Приводятся отрывки писем Ковалевской, ссылки на воспоминания Леффлер, Миттаг-Леффлера, Вейерштрасса, Элен Кей, дочери Ковалевской и т.д.). При этом значительное внимание уделено научному изложению математических вопросов и не уделяется много места личным переживаниям Ковалевской.

Автор третьего произведения, канадская писательница Элис Манро в художественной форме выразила свое понимание динамики внутренней жизни Ковалевской, личных взаимоотношений, источников ее чувств, переживаний и страданий, поисков любви и

счастья. Согласно мнению Eva Zsizsmann, произведение *Too Much Happiness as fictionalised biography*, можно рассматривать как вымышленную биографию, а текст как эллиптическую историческую беллетристику в сочетании с духовным путешествием: «*the text is an elliptical historical fiction and spiritual travelogue*» (Zsizsmann, 2011:201).

5.1 Сравнительный анализ

Прекрасно известно, что еще древние греки говорили о том, что все познается в сравнении. Лотман подчеркивал, что именно через сравнение наиболее четко выступает специфика (Лотман, 1987). Практическим отражением применения системно-синергетического подхода в данном исследовании и для более наглядного сравнения и сопоставления изображения С. Ковалевской в произведениях трех разных писателей была подготовлена таблица, содержащая результаты сравнительного анализа по максимально найденному количеству научно обоснованных параметров. Автор использовал метод матрицы и впервые выявил 24 параметра сравнения. Ниже приводится авторский вариант таблицы сравнительного анализа представлений о С. Ковалевской шведской писательницы Анн Шарлотт Леффлер, российского биографа П.Я. Кочиной и канадской писательницы Элис Манро.

Таблица 1.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ интерпретаций жизни и творчества С. Ковалевской глазами шведской писательницы А. Ш. Леффлер, российского биографа П.Я. Кочиной и канадской писательницы Э. Манро. (Имена авторов расположены в хронологическом порядке).

Параметры сравнения	Представления о С. Ковалевской		
	шведская писательница А.Ш. Леффлер	российский биограф П.Я. Кочина	канадская писательница Э. Манро
1. Название книги, место и год издания. Объем	<i>Sonja Kovalevsky. Hvad jag uppflevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själf.</i> Stockholm Bonniers förslag. 1892. Объем 196 страниц.	<i>Софья Васильевна Ковалевская.</i> Москва. Из-во Наука. 1981. Объем 312 страниц.	<i>Too much happiness.</i> Chatto & Windus. London. 2009. Объем 58 страниц (с.246-304).
2. Язык оригинала	Шведский	Русский	Английский
3. Жанр	Воспоминания	Биография	Художественная повесть
4. Вдохновляющие источники	Личное знакомство, дружба и литературное сотрудничество над произведением <i>Борьба за счастье.</i>	Архивные материалы, работы С. Ковалевской как научные, так и литературные, переписка Ковалевской, ссылки на воспоминания дочери,	Encyclopedia Britannica, Kennedy D.H. <i>Little Sparrow: A Portrait of Sofia Kovalevsky.</i> Ohio University Press, Athens, Ohio, 1983

		ученых, А.Ш. Леффлер и т.д.	
5. Структура произведения	Введение и 15 частей.	Эпиграф, введение, 8 глав, заключение, приложения. Библиография.	Эпиграф, 5 частей, эпилог-благодарность
6. Временные рамки	Описывается период общения с 1883, с момента переезда Ковалевской в Стокгольм по 1891 и воспоминания, которыми делилась С. Ковалевская с Анн Шарлотт Леффлер.	Описываются все периоды жизни с момента рождения, с 1850 до момента смерти в 1891.	Повествование начинается с первого дня 1891 года, последнего года жизни Ковалевской до момента смерти. В повествование вплетаются воспоминания детства, юности и события дальнейшей жизни.
7. Историческая реальность	В книге присутствует историческая реальность Швеции и Западной Европы конца XIX века. Воспоминания ценны как документ эпохи, общественной и культурной жизни Швеции и Западной Европы конца XIX века, а также опосредовано через воспоминания историческая реальность России конца XIX века.	В книге постоянно присутствует российская историческая реальность середины и конца XIX века, а также историческая реальность Швеции и Западной Европы конца XIX века.	В повести присутствует историческая реальность Западной Европы (Италии, Франции, Германии, Дании и Швеции) конца XIX века, а также опосредовано через воспоминания историческая реальность России конца XIX века.
8. Хронология	Нет четкой хронологической последовательности повествования. Изменчивая хронология.	Четкая хронология.	Нет четкой хронологической последовательности повествования. Изменчивая хронология. Ретроспективный взгляд в прошлое.
9. Главный фокус	Описание совместных эмоциональных переживаний и того, что рассказывала С.Ковалевская о себе.	Описание целостной картины жизни и творчества С.Ковалевской. Отсутствие	Художественное описание судьбы неординарной одаренной русской женщины, ее личных

	Сильная выраженность авторского Я	выраженности авторского Я	взаимоотношений. Повествование от третьего лица, завуалированное авторское Я.
10. Стилистические особенности	Художественность, стремление к документальности через цитирование отрывков писем Ковалевской.	Документальность.	Художественность, стремление к документальности через цитирование отрывков писем Ковалевской.
11. Диалогичность повествования	Отсутствие прямой диалогичности. Опосредованно диалогичность присутствует в виде отрывков из писем, обращенных к разным людям.	Отсутствие диалогичности. Опосредованно диалогичность присутствует в виде отрывков из писем, обращенных к разным людям.	Прямая диалогичность. Повествование насыщено живыми диалогами Ковалевской с различными людьми (М.Ковалевским, с Вейерштрассом, с Жакларом, с племянником и т.д.).
12. Объективность	В высокой степени субъективность. Воспоминания написаны в форме лично окрашенных переживаний и наблюдений.	В высокой степени стремление к объективности.	В высокой степени субъективность. Стремление к объективности выражается к ссылкам на письма Ковалевской.
13. Научность	В большей степени литературное произведение, воспоминания подруги.	Научная биография, высокая степень структурности, четкость диспозиции.	В большей степени художественное произведение по мотивам жизни Ковалевской.
14. Характерные особенности личности С.Ковалевской	Сила личности и влияние на других людей, богатая эмоциональная жизнь, литературная одаренность, гибкость ума, быстрая смена настроений, непрактичность, интуиция, вера в сны и фатализм.	Целеустремленность, математическая одаренность, блестящий ум, склонный к юмору и парадоксам, широта интересов, трудолюбие, готовность помочь другим женщинам на пути в науку.	Подчеркивается женственность, этническая принадлежность, неординарность как литературная, так и математическая, трудолюбие, ранимость и чувствительность.
15. Внешний облик С. Ковалевской	При первой встрече с Ковалевской в 1883 г. Леффлер отмечала ее серьезный, строго	По воспоминаниям современников Ковалевская была небольшого роста, с	Манро описывает Ковалевскую в январе 1891, как женщину сорока лет с по-детски

	<p>обрисованный профиль, густые каштановые волосы, небрежными волнами обрамлявшие ее лицо, тонкую стройную фигуру, отличавшуюся особой гибкостью и элегантностью и монументальных размеров голову. Леффлер подчеркивала, что именно необычно большие глаза с магнетическим взглядом придавали лицу Ковалевской выражение высокого интеллекта и оказывали такое сильное впечатление на всех (Leffler 1892: 67).</p>	<p>сияющими проницательными, глазами, с оживленным лицом (Кочина 1981:178).</p>	<p>большой головой и темной кудрявой шевелюрой и энергичным выражением лица (Munro 2009:246).</p>
<p>16. Этническая принадлежность С.Ковалевской</p>	<p>Нет акцента на русское происхождение.</p>	<p>Отмечается, что Ковалевская русская женщина-математик, великая соотечественница, открывшая дорогу женщинам в официальную науку и к преподаванию в университетах.</p>	<p>Подчеркивается русское происхождение. Часто упоминается ностальгия Ковалевской по всему истинно русскому (русскому языку и общению, русскому чаю и т.д.)</p>
<p>17. Особенность речи и владение языками С.Ковалевской</p>	<p>Лучше всего владела французским языком. Приехав в Стокгольм, Ковалевская просила 14 дней для того, чтобы начать говорить по-шведски. Обращает внимание на особенность: при изучении нового языка, Ковалевская в определенный момент могла забыть другой язык. Свобода речи часто зависела от ее настроения. В последнюю осень она начала изучать итальянский язык. Однако Ковалевская признавалась, что ее тяготит невозможность передавать самые тонкие оттенки своих мыслей</p>	<p>Речь отличалась большой живостью. Для выражения своих мыслей прибегала к помощи 4-х различных языков. Ковалевская знала французский, немецкий, английский и шведский языки. Упоминает, что за искусство ведения разговора Ковалевскую называли <i>Микеланджело в беседах</i>. Ссылается на воспоминания А.Ш. Леффлер о том, что Ковалевскую тяготила невозможность разговаривать на русском языке, чтобы передавать самые тонкие оттенки своих мыслей: «<i>Это все</i></p>	<p>Обращает внимание на взаимосвязь речи Ковалевской с ее самочувствием, настроением и состоянием здоровья.</p> <p>«<i>She wanted some tea, and lozenges for her throat, but she could not face the waiting in line or the speaking French. No matter how well you can manage when you are in good health, it does not take much of a drop of spirits or a premonition of sickness to send you back to the shelter of your nursery language</i>» (Munro</p>

	своим шведским друзьям (<i>Leffler</i> 1892:72)	<i>равно, как если бы вас заставили ходить целый день с маской на лице»</i> -говорила Ковалевская. «Поэтому всякий раз, как я возвращаюсь в Россию, мне кажется, что я вернулась из тюрьмы, где держали взаперти связанными мои лучшие мысли» (Кочина 1981:178).	2009:265).
18. Многогранность жизни и деятельности С.Ковалевской	Описывается эмоциональная и личная жизнь и в большей степени литературная деятельность.	Дается описание жизни и научной деятельности, литературной и общественной деятельности.	Дается художественная интерпретация жизни, любовных взаимоотношений, мотивы литературного творчества и в небольшой степени научная деятельность.
19. Результаты научной деятельности С.Ковалевской	Только упоминается постоянная занятость математикой и общение с братом автора математиком Миттаг-Леффлером.	Дается четкое и ясное представление о научных результатах С.Ковалевской, о публикации ее математических работ с математическими формулами и основными выводами.	Упоминается кропотливая научная работа. Получение премии Бордена в Париже за математические исследования рассматривается как причина в изменении взаимоотношений с Максимом Ковалевским.
20. Литературное творчество С.Ковалевской	Яркое описание энтузиазма С.Ковалевской в литературном творчестве и литературное сотрудничество над произведением <i>”Борьба за счастье”</i> , упоминаются некоторые поэтические произведения, а также упоминается ряд незаконченных литературных произведений Ковалевской.	Дается представление о С.Ковалевской как писателе, литераторе, публицисте. К результатам литературного творчества Ковалевской относятся <i>Воспоминания детства</i> , повесть <i>Нигилистка</i> , пьеса <i>Борьба за счастье</i> , ряд стихотворений; описаны встречи с Ф.М. Достоевским, английской писательницей Дж. Элиот, очерк о	Дается объяснение мотивации литературного творчества, ярко прослеживается мотив жизни как путешествия. Перед читателем возникают образы, пейзажи, сцены так, как будто они написаны на холсте в живой, импрессионистической манере. Это придает большую убедительность и жизненность

		современнике М.Е. Салтыкове-Щедрине, воспоминания о Чернышевском.	повествованию. Штрихи импрессионистической прозы.
21. Общественная деятельность С.Ковалевской	Описываются воспоминания о деятельности во времена Парижской коммуны.	Дается описание не только деятельности во время Парижской коммуны, но активность в шведском обществе «Идун» и «Хеймдал», а также значимость примера Ковалевской для открытия дороги женщинам к высшему образованию и в университеты.	Описываются воспоминания о деятельности во времена Парижской коммуны.
22. Мироззрение	Описание мироззрения с позиций феминизма	Описание общественных взглядов через призму социалистической идеологии, как приверженности идей социализма <i>«как некоей противоположности окружающей ее социальной действительности - как русской, так и зарубежной».</i>	Описание мироззрения через призму личных взаимоотношений, осознания значимости понятия любви и счастья в жизни и судьбе неординарной женщины ученого.
23. Последние годы жизни С.Ковалевской	Трагизм описания последнего периода жизни, описание смерти на чужбине в одиночестве с чувством полного поражения в борьбе за счастье.	Описание сложного периода жизни, негативные переживания и систематическое переутомление, болезнь сердца, воспаление легких. Бывшие при ней Тереза и Эльза Гюльден, жена и дочь профессора Гюльдена, вспоминали потом ее последние загадочные слова <i>«Слишком много счастья»</i>	Описание последнего сложного года жизни как трагического путешествия обратно в Стокгольм. Последние слова, сказанные Ковалевской становятся названием новеллы и всей книги, собравшей десять новелл о разных женских судьбах.
24. Оценка исторической роли С.	Гендерный аспект. Особое место в истории женского движения редкой	Четкое представление важной роли С. Ковалевской в	Упомянут факт присвоения имени С.Ковалевской кратеру

Ковалевской	женщины, которая больше других прославила женский пол.	математической науке, а также в открытии возможностей для других женщин в науке. Значимость имени Ковалевской в науке и в истории общественного движения России.	на Луне, а также дальнейшая судьба дочери С. Ковалевской.
-------------	--	--	---

Таким образом, данный сравнительный анализ позволяет увидеть Ковалевскую с трех разных сторон:

- 1) со стороны ее современницы, подруги, литературного соавтора шведской писательницы феминистки Анн Шарлотт Леффлер на шведском языке,
- 2) со стороны советского ученого биографа Пелагеи Яковлевны Кочиной на русском языке ,
- 3) со стороны современной канадской писательницы Элис Манро на английском языке.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

6.1. Выводы

Таким образом, изучение представлений о С.Ковалевской трех авторов, шведской писательницы А.Ш.Леффлер, русского биографа П.Я. Кочиной и канадской писательницы Э.Манро способствует более глубокому пониманию многогранности жизни и творчества С. Ковалевской и, в конечном итоге, позволяет создать объемный трехмерный голографический портрет Ковалевской. Научная ценность системно-синергетического подхода в познании усиливается тем обстоятельством, что создается целостная картина изучаемого феномена, в большей степени освобожденная от идеализма и субъективизма. Так как при сочетании разных подходов возникает синергетический эффект, позволяющий более глубоко понять изучаемый феномен.

Ковалевская была сложной, одаренной, пассионарной личностью. Облик этой замечательной женщины многогранен и может рассматриваться в разных измерениях. Одаренные люди талантливы многогранно. Следует понимать, что С.Ковалевская была феноменом своего времени, символом того, чего смогла достичь женщина в XIX веке. Став профессором математики, Ковалевская опередила время, произвела сенсацию в истории: в то время женщине получить право на профессию в высшей школе было событием неординарным. При этом она стала профессором, чьи математические результаты отмечены почетными премиями двух Академий наук, Французской и Шведской. При этом Ковалевская была не просто математик, а ученый, чьи художественные произведения переведены на французский, немецкий, английский, шведский, японский и другие языки.

Сравнительный анализ трех произведений Леффлер, Кочиной и Манро позволил выявить как сходства, так и различия. К сходствам можно отнести то, что все авторы женщины, как

шведский, так и российский и канадский, отмечают интеллектуальную неординарность, одаренность и многогранность личности С. Ковалевской, описывают ее литературный и научный талант и творчество, а также ее взгляды и устремления, направленные к новым просветительским преобразованиям в обществе, а также активную общественную деятельность во время Парижской Коммуны.

Сходством произведений шведской писательницы Леффлер и канадской писательницы Манро является их художественность, иррациональность и экспрессивность отражения эмоциональной и личной жизни Ковалевской, ограниченные временные рамки, изменчивая хронология, присутствие исторической реальности Западной Европы конца XIX века и только опосредовано, через воспоминания, - историческая реальность России того времени. Среди характерных особенностей личности Ковалевской как Леффлер, так и Манро отмечают интуицию, веру в сны и фатализм, особенности владения разными языками и зависимость речи от настроения и состояния здоровья.

Интересен тот факт, что как шведская писательница Леффлер, так и российский биограф Кочина в конце книги приводят стихотворение Фриц Леффлера *На смерть С. Ковалевской*. В приложении дается шведский вариант стихотворения, опубликованный в книге Леффлер в 1892 году, а также русский перевод Д.Л. Михаловского (Приложение 2).

Наряду с похожестью описания многих событий жизни и творчества С. Ковалевской, существует ряд различий. Прежде всего, это относится к разным жанрам повествования, которые выбрали разные авторы для толкования образа Ковалевской. Шведская писательница, современница и подруга Ковалевской выбрала жанр воспоминаний, русский автор-ученый выбрала жанр научной биографии, а канадская писательница выбрала жанр художественной повести. Другим важным различием в интерпретации является вопрос о том, какой образ С.Ковалевской доминирует.

В книге русского автора Кочиной четко и последовательно описывается образ С. Ковалевской как выдающегося математика, первой женщины профессора математики, отдельные главы посвящены годам и результатам научной деятельности в Германии, в Швеции, в России, во Франции, а также взаимоотношениям Ковалевской с математиками Германии, России, Швеции и Франции, в этих главах даются точные названия математических трудов, используются математические формулы для объяснения научной значимости исследований. В то же время в книге Кочиной, наблюдается попытка рационально пропорционального представления образа Ковалевской как писательницы и активного общественного деятеля, этому посвящена седьмая глава книги Кочиной, 1981 г. *Литературная и общественная деятельность*. Представлен наиболее объективный научно-биографический портрет С.Ковалевской - портрет сильной женщины ученого, преодолевшей много трудностей и достигшей успеха в карьере ученого, небывалого для женщин того времени, идеализированный портрет без отражения внутреннего мира и эмоций, через призму советской идеологии, так как книга написана и издана в 1981 г во время существования Советского Союза.

В литературно-историческом контексте представляет интерес интерпретация образа С.Ковалевской ее современницей и подругой шведской писательницей феминисткой Анн

Шарлотт Леффлер. В своей книге Леффлер создала исторический портрет Ковалевской с натуры. С. Ковалевская глазами ее современницы и подруги Леффлер предстает перед читателями как живая, гибкая, общительная, непрактичная женщина, верившая своим снам, сочетавшая математическую одаренность с любовью к литературе, поэзии и театру, любившая кататься на коньках в Стокгольме, но, к сожалению, трагически проигравшая в борьбе за личное счастье. В книге Леффлер доминирует образ Ковалевской - писательницы и прогрессивной женщины, которая больше других прославила женский пол. Ковалевской помимо ее научных заслуг, принадлежит особое место в истории женского движения. Ее большой популярности способствовали тот интерес, который вызывали ее многогранная живая натура и художественный талант.

Представляет интерес различная интерпретация последних лет жизни Ковалевской. Шведская писательница Леффлер указывает на фатализм Ковалевской и предчувствие скорой смерти и описывает смерть Сони очень трагично с ощущением полного поражения в борьбе за счастье. В книге русского автора Кочиной дается описание сложного периода жизни, негативные переживания и систематическое переутомление, болезнь сердца, простуда после возвращения из путешествия по Европе и осложнение в виде воспаления легких, которое привело к смерти Ковалевской. Кочина ссылается на воспоминания Эллен Кей, ставшей подругой Ковалевской в последние годы жизни, а также на бывших при последних минутах жизни Ковалевской Терезы и Эльзы Гюльден, жены и дочери профессора Гюльдена, которые вспоминали потом ее последние загадочные слова *«Слишком много счастья»*.

В этой связи особенно интересной является интерпретация канадской писательницы Манро, которая выбрала именно эти последние слова Ковалевской *«Слишком много счастья»* названием своего художественного произведения. В произведении Манро преобладает образ Ковалевской как влюбленной, чувствительной, мнительной, легко ранимой и незащитной женщины. Специфика интерпретации Манро, заключается в том, что автору удалось создать психологический импрессионистский портрет Ковалевской, который раскрывает психологические особенности динамики творческой личности.

Различия в интерпретации образа Ковалевской связаны не только с отличиями в жанре и языке написания, но также с особенностями авторов, с их культурно-историческим багажом, накопленным в различные культурно-исторические периоды, с их мировоззренческой, эстетической, социально-культурной позицией, проявленной в момент написания произведения. Философская, идеологическая ориентация авторов существенно влияет на создаваемый образ/портрет, на отбор и интерпретацию фактов, поэтому «корреляция» между характеристиками в произведениях разных авторов, относящихся к одному и тому же историческому лицу, довольно часто оказывается весьма не высокой.

При проведении исследования и сравнительного анализа по максимально найденному количеству научно-обоснованных параметров, автором было выявлено 24 параметра сравнения. Интересно отметить, что если интерпретации Леффлер и Кочиной совпадают по 8 параметрам, то по 16 параметрам отличаются, интерпретации Кочиной и Манро совпадают по 9 параметрам, по 15 параметрам отличаются.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на выявление в результате сравнительного анализа большего числа различий, чем сходства в представлениях об образе С. Ковалевской, книга шведской писательницы А.Ш.Леффлер 1892 г., книга русского биографа П.Я. Кочиной 1981 г. и художественная повесть канадской писательницы Манро, 2009 г. взаимно дополняют и обогащают друг друга и помогают более глубоко понять многогранность жизни и творчества выдающейся женщины С.Ковалевской.

Судьба Ковалевской олицетворяла собой процесс исторического освобождения женщин от патриархальных предрассудков на пути к обретению прав для получения высшего образования и к открытию дороги женщинам к преподаванию в высшей школе. Жизнь Ковалевской еще раз показала, как много трудностей приходится преодолевать женщине, чтобы стать ученым и что плата за следование своим научным интересам может быть очень высокой. Ковалевскую можно рассматривать как предшественницу современной независимой женщины, обеспечивающей себя и пытающейся жить благодаря своим знаниям. Судьба Ковалевской заставляет задуматься о важности поиска гармоничного баланса между профессиональной карьерой и личными отношениями, между научным творчеством и личным счастьем. С позиции автора, Ковалевская всегда будет играть роль вдохновляющего примера в борьбе женщин за свободу выбора жизненного пути и работы в университетской среде и за равное право голоса в науке.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что С. Ковалевская была феноменом своего времени, символом того, чего смогла достичь женщина в XIX веке и являла собой пример уникального многогранного дарования: выдающегося математика, писателя и общественного деятеля. Именно этот креативный синтез различных граней творчества и составляет основу феномена С.Ковалевской. Несмотря на то, что она прожила такую короткую жизнь, всего 41 год, ее научная, литературная и общественная деятельность, несомненно, способствовала развитию науки и прогрессу общественных идей, а также обогащению, как русской, так шведской и мировой культуры. Не случайно именем Ковалевской назван кратер на обратной стороне Луны, имя Ковалевской носят не только улицы многих городов России, но и долгое время носила школа с углубленным изучением математики в Стокгольме. Шведская Академия наук чтит память о С. Ковалевской и в Стокгольмском университете ежегодно проводят дни Ковалевской для молодых людей, интересующихся математикой.

6.2. Перспективы дальнейших исследований

Данная работа является только первым шагом в изучении феномена С.Ковалевской. Проведенное исследование не только выявило многие аспекты жизни и творчества С. Ковалевской, но также позволило открыть много новых интересных исследовательских задач.

Прежде всего, интересной представляется тема научного исследования, посвященного более глубокому изучению и анализу литературного творчества С.Ковалевской, прежде всего *Воспоминаний детства*. В литературных произведениях Ковалевской специальный интерес представляет их автобиографичность и отражение ее общественных взглядов.

Как показало проведенное исследование и сравнительный анализ трех произведений, загадкой является последний период жизни Ковалевской. Требуется дальнейшее изучение воспоминаний Эллен Кей и семьи Гульден, которые были близки Ковалевской в последний период жизни.

Magnus Ljunggren, professor emeritus i rysk litteratur vid Göteborgs universitet опубликовал в *Svenska Dagbladet* 14 juli 2014 s. 17 статью *Hon skapade en rysk vår i Sverige*, посвященную Ковалевской. По его мнению, в 1880 годах произошло замечательное соприкосновение и взаимное обогащение русской и шведской культуры. Русский радикализм и социальная критика в литературе 1860-годов (шестидесятников) оказала серьезное влияние на шведскую культуру и в центре всего процесса была Софья Ковалевская.

Under 1880-talet inträffade en märklig korsbefruktning mellan rysk och svensk kultur. Den samhällskritiska 1860-talslitteraturen och den ryska radikalismen överfördes nu på allvar till svenskan. I centrum för hela processen stod Sofia Kovalevskaja (Ljunggren 2014:17).

С точки зрения автора интересной исследовательской задачей может стать изучение жизни и творчества Ковалевской в контексте взаимовлияния и развития российско-шведских культурных связей как в науке, так и в литературе.

Кроме того, актуальным может стать развитие дискуссии о гендерном дискурсе, о природе феминизма, с позиций равных прав и возможностей в сфере образования и положения женщин в науке, гендерной ассиметрии в науке, женского мировосприятия и мироосмысления, а также изучение динамики женской креативности на примере С.Ковалевской.

Кроме того, не менее увлекательной исследовательской задачей может стать анализ и сравнение изображений судьбы Ковалевской в кинематографе. Представителями кинематографа были сняты следующие фильмы: 1956 — *Софья Ковалевская* (фильм-спектакль, реж. Иосиф Шاپиро), 1985 — *Софья Ковалевская* (телефильм, реж. Аян Шахмалиева), 2011 — *Достоевский* (7-серийный телефильм). В Швеции был снят только один фильм в 1983 году *Berget på månens baksida* с участием Gunilla Nyroos och Bibi Andersson. Regi: Lennart Hjulström.

Жизнь и творчество С.Ковалевской связывает Россию и Швецию и представляет интерес как для жителей этих стран, так и для многих туристов из разных стран и поэтому автор данного исследования предлагает в честь 130-летнего юбилея присвоения Ковалевской звания профессора математики Стокгольмского университета разработать туристский маршрут «*По следам Ковалевской – принцессы науки*». Данная экскурсия может быть интересна для туристов разных стран, школьников, студентов, аспирантов, участников международных конференций, образовательных семинаров, математических олимпиад и просто для людей, интересующихся наукой и образованием.

Литературные источники

Первичные источники

Ковалевская, С.В. *Воспоминания*. Повести. К 125-летию со дня рождения. Москва. Академия Наук СССР. Литературные памятники. Москва: Наука. 1974.

Ковалевская, С.В. *Избранные произведения*. Москва: Советская Россия. 1982.

Кочина, П.Я. *Софья Васильевна Ковалевская*. Москва: Наука. 1981. 312 с.

Leffler, A.C. *Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själv*. Stockholm: Bonniers förlag. 1892. 196 s.

Munro, A. *Too much happiness*. London: Chatto & Windus. 2009, p. 246 - 304.

Вторичные источники

Ананьев, Б. Г. *Человек как предмет познания*. Ленинград. 1968. 337 с.

Бахтин, М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература. 1975, с. 234 - 407.

Введение в гендерные исследования. Ч.1 Учебное пособие / Под ред. Жеребкиной И.А. - Харьков: ХЦГИ, СПб: Издательство АЛЕТЕЙА. 2001, с.543 - 561.

Зинченко, В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., *Литература и методы её изучения. Системно-синергетический подход: учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА. 2011. 278 с.

Коваленко, Г.М. «Профессор Стокгольмского университета. Софья Ковалевская в Швеции». Альманах *ЧЕЛО* №1 (38) 2007. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 2007, с. 82 - 86.

Кочина, П.Я., Зенкевич И.Г. *С.В. Ковалевская. Люди науки*. Москва: Просвещение. 1986.

Лотман, М. Ю. «Литературная биография в историко-культурном контексте». *О русской литературе*, Санкт-Петербург: Искусство. 1997.

Малевич, И.И. «Воспоминания». *Русская старина*. 1890. № 12, с. 615 - 654.

Памяти С.В. Ковалевской. Сборник статей. Москва: Из-во Академии Наук ССР. 1951.

Пригожин, И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. Москва: Прогресс. 1986.

Сент-Бев, Ш. *Литературные портреты. Критические очерки*. Москва: Художественная литература. 1970.

Страннолюбский, А.Н. Женское образование в России. *Образование*. 1894, №10, с.320 - 344.

Уэллек Р., Уоррен О. *Теория литературы*. Москва: Прогресс. 1978.

- Хакен, Г. *Синергетика*. Москва: Мир.1980.
- Шарыпкин, Д.М. «Август Стриндберг и Софья Ковалевская». *Вопросы литературы* №8. 1966.
- Штрайх, С.Я. *Сестры Корвин-Круковские*. Москва: Мир. 1933. 340 с.
- Штрайх, С.Я. *С.Ковалевская* Москва: Серия ЖЗЛ 15 (63) выпуск. 1935. 240 с.
- Штрайх, С.Я. *Семья Ковалевских*. Москва: Советский писатель, 1948. 391 с.
- Энциклопедия Кругосвет. Импрессионизм в литературе
http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/IMPRESSIONIZM_V_LITERATURE.html
 (Дата обращения 19 июня 2014).
- Якобсон, Р. «Лингвистика и поэтика». *Структурализм: «за» и «против»*. Москва. 1975.
- Alic M., *Arvet efter Hypatia. Historien om kvinnliga forskare från Antiken till det sena artonhundratalet*. Översättning av Annika Gegenheimer. Stockholm: Alfabeta Bokförlag. 1989, s. 184-194.
- Blomquist G. *Starka kvinnor. Ett urval märkliga kvinnoöden från radioserien Värt att veta*. Kristianstad: Sveriges Radios förlag. 1987, c. 208 - 218.
- Björk J-E., *Sonja Kovalevsky: en levnadsbeskrivning*. Stockholms universitet. 2003.
- Garry A., Pearsall M., *Women, Knowledge and Reality: exploration in feminist philosophy*. New York. London: Routledge. 1992.
- Hill T.P., Rogers E., «Gender Gaps in Science: The Creativity Factor». *Journal The Mathematical Intelligenser*. Springer Science LLC. Volume 34, N.2.2012, p. 19-26.
- Kennedy D.H., *Little Sparrow: A Portrait of Sophia Kovalevsky*. Athens, Ohio: Ohio University Press. 1983.
- Koblitz A.H., *A convergence of lives Sofia Kovalevskaja: Scientist, Writer, Revolutionary*. Boston. Basel. Stuttgart: Birkhäuser. 1983. 305 s.
- Kochina P., *Love and mathematics: Sofya Kovalevskaya*. Moskva: Mir. 1985 (översättning från ryska utgåvan 1981).
- Lauritzen M., *Anne Charlotte Lefflers liv och dikt*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag. 2012. 619 s.
- Ljunggren M., «Hon skapade en rysk vår i Sverige». Svenska Dagbladet. 14 juli 2014. s 17.
- Merriam-Webster dictionary <http://www.merriam-webster.com/dictionary/feminism> (19 juni 2014)
- Munro A., *För mycket lycka*. Översättning Rose-Marie Nielsen, Norhaven: Pocketförlaget. 2013. s. 279 - 345.

Niskanen K., Florin C., (red) *Föregångarna. Kvinnliga professorer om liv, makt och vetenskap*. Stockholm: SNS förlag. 2010.

Novarr D. *The Lines of Life. Theories of Biography, 1880 -1970*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press. 1986. 202 p.

Phipps A., *Women in science, engeneering and technology*.Stoke on Trent, UK and Sterling, USA: Trentham Books. 2008.

Randver G.W. *Sonja Kovalevsky. En levnadsteckning*. Södertälje: Bokförlaget Trevi. 1981. 224 c

Scheutz L., *Berömda och glömda stockholmskvinnor*. Stockholm: Mbm förlag. 2001, s. 442 - 446.

Sylvan M., *Anne Charlotte Leffler. En kvinna finner sin väg*. Akademisk avhandling. Litteraturvetenskapliga institutionen. Stockholms universitet. Biblioteksförlaget.1984, s.99 - 101.

Zsizsmann E., «Escaping Flimsy Formal Cages: Alice Munro's Too Much Happiness as Fictionalised Biography». *Brno Studies in English*. Volume 37, No.2, 2011: 201- 210.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Основные даты жизни и деятельности С. Ковалевской

1850 3 (15) января - дата рождения Софьи Васильевны Крюковской, с 1856 г Корвин-Крюковская

1853-1858 - жила с родителями в Калуге

1858 - переезд в Палибино, имение отца, генерала в отставке, ныне Полибино, Псковская область

1868, 15 (27) сентября - свадьба Софьи Корвин-Крюковской и Владимира Онуфриевича Ковалевского и их отъезд в Петербург для занятий наукой

1869 апрель - отъезд в Гейдельберг

1870 октябрь - переезд в Берлин и начало занятий с Вейерштрассом

1874 июль - присуждение С. Ковалевской степени доктора философии Геттингенским университетом *summa cum laude* - с отличием

1878, 5 (17) октября - рождение дочери, Софьи Владимировны Ковалевской

1879 декабрь - доклад С.Ковалевской на VI съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге «*О приведении абелевских интегралов 3-го ранга к эллиптическим*»

1881 март - избрание С. Ковалевской в члены Московского математического общества

1882 июль - избрание в члены Математического общества в Париже

1883 апрель - смерть мужа В.О. Ковалевского

1883 сентябрь - доклад С. Ковалевской на VII съезде русских естествоиспытателей и врачей
«*О преломлении света в кристаллах*»

1883, 18 ноября - приезд С. Ковалевской в Стокгольм

1884, 11 февраля - первая лекция в Стокгольмской высшей школе

1884, 28 июня - день назначения Ковалевской профессором Стокгольмской высшей школы на 5 лет

1888, 24 декабря - присуждение Парижской Академией наук премии Бордена за работу «*О вращении твердого тела вокруг неподвижной точки*»

1889, 7 (19) ноября – избрание С. Ковалевской членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук на физико-математическом отделении Академии, утвержденное общим собранием Академии наук 2 (14) декабря

1889 - присуждение С. Ковалевской премии Шведской Академии наук за второй мемуар по изучению вращения твердого тела: «*Об одном свойстве системы...*»

1889 - утверждена пожизненным профессором Стокгольмской высшей школы, ныне Стокгольмского университета

1891, 29 января по старому стилю, 10 февраля по новому стилю - С. Ковалевская скончалась от воспаления легких в возрасте 41 года.

Приложение 2.

Frits Läffler till Sonya Kovalevsky (ur Anna Carlotta Lefflers bok *Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplevat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själf*. Stockholm. Albert Bonniers förlag. 1892 s. 192-193)

Själ af eld och själ af tankar,
Har Ditt luftskepp lyftat ankar
Nu att stjärnerymder plöja
Evig, där Du förr sågs dröja
Mången gång, dit stadd på spaning
Öfver världssystemets daning
Hög din tanke lyfte vingen,
När i stjärnklara kvällen
Stråla sågs Saturnus-ringen
På den dunkelblåa pällen?

Männe ifrån högre zoner
Analytiska funktioner
Svaret nu dig finna låta

På odödlighetens gåta?

Ljusets strålar från det höga
 Såg Du förr med forskars öga
 Mot kristallegrund sig bryta.
 Huru ser Du nu dem flyta?

Från de ljusa himlavärldar
 Ofta nog du blicken vände
 Också ned till mörkrets härdar,
 Till vår egen jords elände.
 Där också i hoppets stunder
 Såg du mot kristallegrunder
 - Utaf kärlek - ljus sig bryta
 Och med mörkret väldet byta.

Själ af eld och själ af tankar,
 Tryggast fann Du kärleks ankar.

Så farväl och tack! Ej tücke
 Tungt den svenska jord det unga
 Lif, som lämnas nu åt grafvens
 Långa, ljufva hägn! - Så länge
 Som Saturnus-ringen svänger
 Sig på färd bland ljusa världar
 Och än lefva män, Ditt minne
 Mälas skall bland stora själars.

**Русская версия стихотворения на смерть С.Ковалевской
Фриц Леффлер (перевод Д.Л. Михаловского)**

Душа из пламени и дум!
 Пристал ли твой корабль воздушный
 К стране, куда парил твой ум,
 Призыву Истины послушный?
            В тот звездный мир так часто Ты
            На крыльях мысли улетала,
            Когда, уйдя в свои мечты,
            О мирозданье размышляла;
 Когда, в вечерней тишине,
 В глубь неба взор твой погружался
 И в темно-синий вышине
 Кольцом Сатурна любовался.
 .   В тех сферах- числа, функций ряд,
            Иному следуя порядку,
            Тебе, быть может, разрешат
            Бессмертья вечную загадку...
 Ты преломленье световых

Лучей на призме наблюдала:

Какими Там ты видишь их,

У родника их и начала?

Со светлой звездной высоты,

С участием в просветленном взоре,

Ты смотришь в бездну темноты

На землю, на земное горе.

И здесь, порою, он видал,

Как в этот мрак, над всем царящий,

Лился, играя, сквозь кристалл

Свет, от любви исходящий.

Душа из пламени и дум!

В часы надежд и просветленья

Одну любовь считал твой ум

Надежным якорем спасенья.

Прощай! Тебя мы свято чтим,

Твой прах в могиле оставляя:

Пусть шведская земля над ним

Лежит легко, не подавляя...

Прощай! Со славою твоей

Ты, навсегда расставшись с нами

Жить будешь в памяти людей

С другими славными умам,

Покуда чудный звездный свет

С небес на землю будет литься

И в сонме блещущих планет

Кольцо Сатурна не затмится...